'Коренные изменения неизбежны' - Дневник 1941 года

Владимир Иванович Вернадский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этот дневник академика Владимира Ивановича Вернадского (1863-1945) — один из интереснейших в его рукописном наследии — делится как бы на две части, рубежом между которыми стал трагический день 22 июня. Как и в предыдущих публикациях дневников Вернадского 1938-1940 годов («Дружба народов», 1991, № 2 и 3; 1992, № 11-12; 1993, № 9), для удобства восприятия текста авторские сокращения и купюры публикатора не показываются; смысловые вставки заключены в угловые скобки. Рукопись дневника хранится в Архиве Российской академии наук, фонд 518 В. И. Вернадского (опись 2).

- Вернадский Владимир Иванович
  - 1941
  - Примечания

Вернадский Владимир Иванович «Коренные изменения неизбежны» Дневник 1941 года

1941

21 января. Москва.

Вчера с Ненадкевичем[1] был в Минералогическом Музее. Положение Музея безрадостное. Результаты научной минералогической работы Академии туда попадают случайно. Везде хаос.

Кашинский[2] жалуется на грубость Баха[3]. Это модный теперь курс, взятый в Академии, — аналогичный тому яркому огрублению жизни и резкому пренебрежению к достоинству личности, который сейчас у нас растет в связи с бездарностью государственной машины. Люди страдают — и на каждом шагу растет их недовольство.

Полицейский коммунизм растет и фактически разъедает государственную структуру. Все пронизано шпионажем. Никаких снисхождений.

Лысенко разогнал Институт Вавилова. Любопытная фигура: властная и сейчас влиятельная. Любопытно, что он явно не дарвинист: <но> называет себя дарвинистом, официально <к> таковому приравнен.

Всюду все растущее воровство. Продавцы продуктовых магазинов повсеместно этим занимаются. Их ссылают — через много лет возвращаются, и начинается та же каниtель. Нет чувства прочности режима через 20 с лишком лет <после революции>. Но что-то большое все-таки делается — но не по тому направлению, по которому «ведет власть».

С Наташей[4] все больше вспоминаем прошлое. Некого спросить. Быстро уходят отвечающие мне поколения. С Наташей хочу восстановить первые дни нашей совместной жизни — <прожили вместе> больше полустолетия, больше 54 лет!

22 января.

Вчера сидел дома. Сводил переписку. Работал хорошо над «Проблемами биогеохимии». Много читал и думал.

Пытаюсь вспомнить реально — с помощью Наташи — былое: что было в 1886 году, когда мы стали жить вместе почти 55 лет

тому назад! Как переменилась жизнь — наша страна и мировое окружение, а главное, <произошел> переворот в научном и техническом жизненном проявлении.

Я получил письмо от Анны Михайловны Болдыревой; пишет, что ее муж[5] единственный из всех — переведен в ГРУ (не понимаю, что это значит) в магазине. Она считает, что это ответ на летние заявления, <предпринятые> по моей инициативе и усилиями всех академиков по геологии и минералогии о необходимости поставить <ее мужа> в другие условия, где могут быть использованы его знания. Он работал как простой горнорабочий, заболел, отморозил лицо. Абсолютно невинный человек в <своих> проявлениях — думаю, и в <своих> речах <также>: если допустил что<-то> в такой опасный для страны момент — и громкие выявления <своих> мнений могут быть опасны. Бывший эсер. Я опять при необходимости заменить кафедру по минералогии в Академии опять вижу только <кандидатуру> Болдырева. Думаю написать письмо Молотову. Колебания — не знаем, что делается в центре власти. Как бы теперь не повредить.

25 января. Суббота.

Вчера вечером собрались в память Дм. Ив. Шаховского[6], — Аня[7], Наташа, Анна Николаевна Шаховская[8], Паша Старицкий[9], Дима и Сережа Шики[10]. Было очень хорошо. Аня наново прочла прелестные письма Мити от 1911-1912 годов и в связи с тюрьмой за Выборгское воззвание (<сидел> в тюрьме в Ярославле). Наташа моя <прочла> очень интересную памятку с выдержками из нашей переписки.

23.I.1941 года умер в Москве Александр Никандрович Лебедянцев[11] крупный ученый и близкий мне человек, который, сам это не сознавая, много мне дал.

1 февраля.

Днем был у себя <в Биогеохимической лаборатории>. М. А. Савицкая[12] и ее работа.

Назначение Берия: генеральный Комиссар Государственной безопасности диктатор? В связи с упорными толками о безнадежном положении Сталина (рак?) и расколе среди

коммунистов (евреи — английской ориентации, Молотов немецкой?) — перед XIX съездом Коммунистической Партии[13].

Кончил мою переписку с Наташей 1886 года. Удивительно, что мое нервное состояние <было тогда> то же, что и сейчас. Но тогда я воспринимал это более реально, как объективное явление — теперь <воспринимаю> как объективное выявление моего физического состояния, в связи с моими глазами без очек при засыпании, реже при просыпании, в полусвете. Последний раз (было 4 <часа утра>) яркие галлюцинации в конце декабря или начале января: из стены у постели вышла и через меня прошла человеческая фигура малого, но не детского роста, одетая в древнюю (как на картинках) темную одежду.

4 февраля. Вторник.

Чувствую старость реально: зубы выпадают и качаются — очевидно, придется пережить тяжелую операцию, реставрировать или вставить. Худею в ногах, и их костный характер резко меняется. Непрерывно ухудшаются зрение и слух. В области сердца какие-то новые тупые болевые ощущения. Сегодня хочу просить приехать <врача> Мар. Ник. Столярову. Может быть, быстро подойдет время, когда и «Проблемы биогеохимии» будут мне трудны и надо будет спуститься к «Воспоминаниям» — впервые об этом реально думаю. Приближаюсь к 78 годам.

Вчера днем был Леонид Ликарионович Иванов[14], сильно поддавшийся, но бодрый умом и сильно нагруженный педагогической работой — профессор. Сейчас это <стало> гораздо труднее. Много лишнего, давление, сыск и формализм невежд и дураков, <среди которыхg, с одной стороны, — идейные, с другой полицейские.

Пересматривая список выбранных в Академию Наук 28 и 29 января 1939 года, вижу, что многих я не знаю даже в лицо и неясно представляю себе их умственную и творческую силу. В общем, все же выборы были реальные — и умственный ценз <выбранных> высок. В первый раз в академики прошла женщина Штерн[15]. Я думаю, вполне заслуженно. Удивительно — и непонятно, что при огромном числе женщин — например, у меня в Лаборатории — в общем, то же и в других, — женщины преобладают, а между тем резко в ведущей, талантливой части преобладают мужчины. В общем, надо признать, что выборы дали неправильную картину только

благодаря тому, что часть крупнейших ученых арестована. Среди них такие крупные люди, как Болдырев, Туполев и многие другие, выбор которых <в Академию> был бы несомненным. Из этих выбранных Луппол[16] арестован в 1940 году — партийный, но человек широкообразованный и знающий.

7 февраля.

Вчера весь день лежал — работал и читал. Может быть, такой «отдых» и не вреден. Много читал.

Мне кажется — если доживу, — мои записи вроде этого дневника и моя «Хронология» семьи явятся основой моих «Записок» о пережитом и передуманном.

Сложность жизни все увеличивается. Мы имеем возможности исключительные, и все же трудно. Трудно добывать молоко, и теперь — сливки вместо него. Приспособила Нюша[17], которая дорабатывает — служит няней в Кремлевской больнице. Должна быть у них на службе утром в 8 часов.

Бездарное, формальное творчество жизни. Но, может быть, в этот <переживаемый нами> момент необходима внешняя дисциплина.

О занятии <немцами> Финляндии из партийных кругов просачиваются в общественную среду слухи, явно имеющие реальное основание[18].

8 февраля. Суббота.

Вчера последний день <моего> лежания, мне кажется, лишний — пересолил. Годы заставляют считаться, но тут надо вносить индивидуальные поправки.

Одно из <моих> мечтаний — дать биографический очерк Александра Федоровича Лебедева[19]. Это одна из моих текущих утопий. Или действительно мне удастся дать мемуары — <представить> картину моего времени в моих записях?

За это время сын — Николай Александрович[20] — в ссылке, и одновременно пострадала моя Лаборатория — Симорин, Кирсанов[21]. Невинные люди. Если и были какие-нибудь разговоры — больше те, которые имели реальное значение только с точки зрения «службы» сыщиков, разъедающих и уничтожающих положительную работу именем «тоталитарного государства»,

резко отличающегося от Германии и Италии тем, что <его> идеалы — лозунги вселенские.

Много читал. Кое-что писал в мою «Хронику».

9 февраля. Воскресенье.

Почти стихийно работаю над «Хронологией». Неужели напишу «Воспоминания»? Может быть, это старческая работа?

1936 год. — Вышел огромный двухтомный сборник статей под заглавием: «Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности». I том 606 стр. Сдан в набор 23.III.1936, подписан к печати 5.IX.1936. — Те же числа и для II-го тома: стр. 607-1272. Почетный редактор А. П. Карпинский, президент Академии Наук, разрешение печатать дано Н. П. Горбуновым — Непременным Секретарем <Академии>. Без его согласия сборник не мог бы выйти в свет. <Посвящение:> «Глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Ивановичу Вернадскому. — Друзья, ученики и сотрудники».

А. П. Виноградов[22], который организовал сборник, говорил со мною о моем юбилее — я решительно отказался его праздновать, указывая, что я не допустил <празднования> и 25-летнего юбилея. Тогда был издан сборник, и Александр Павлович <этим прецедентом> воспользовался. Я сказал, что при трудностях печатания — многое остается в рукописях — я не могу возражать <против издания сборника>, особенно <тогда>, когда был <издан> сборник 25-летия, когда было гораздо легче печататься.

В этом сборнике помещены статьи и духовно близких мне людей, и чуждых по духу или по характеру работы лиц. Из них были арестованы к сегодняшнему дню: Болдырев, Полынов (вернулся — постарел и осунулся), Зильберминц, Бруновский (умер в тюрьме; никаких сомнений, что невинны), Федоровский (старый коммунист), Н. Безбородько, В. Аршинов (вернулся, потерял глаз), Г. А. Надсон (умер?) = 8 человек, из них 2 умерли. Сомнение в «виновности» может возбуждать только Федоровский, крупный большевик. Арестован и Горбунов.

Надсон и Горбунов исключены из Академии[23].

16 февраля. Воскресенье.

Вчера работал с Аней — диктовал свой доклад о космической пыли для 28 февраля. Как всегда в таких случаях, творчески менял и неожиданно получал выводы, о существовании которых не подозревал. Читая свою статью 1932 года, нашел там выводы, о которых не помнил[24]. Решил выдвинуть гипотезу космического облака для Тунгусского метеорита[25].

Был доктор Владимир Николаевич Блохин, хирург, специалист в определенной области — консультант в Кремлевской больнице. Его вызывали к Наташе. С Блохиным интересный разговор о значении изотопов и радиоактивности <в медицине>. Он говорит, что сейчас перегружен тяжелой работой в связи с подготовкой медицинского персонала к войне. Ему и Институту, где он служит, это главное дело. В объяснениях военных, с которыми им приходится говорить, выясняется, что <нам> придется воевать с победителем <в идущей войне>. Я это считаю правильным, и война, как бы <к ней> ни подходить, поставит вопрос о социальном сдвиге, который так или иначе может привести к революционному насильственному — социальному перевороту — «левому» — в пользу народных масс. Блохин говорит, что поразителен низкий средний научный уровень врачей.

Все ждут от XVIII Конференции <ВКП(б)> стеснений жизни и увеличения чисток — сокращения аппарата и т. п.

17 февраля. Понедельник.

Вчера днем был Мих. Ив. Сумгин[26]. С ним об организации <изучения космической пыли> через Институт мерзлотоведения, общий разговор о значении космической пыли. Он обещал всю работу Института мерзлотоведения направить в этом направлении.

Очень выражал мне свое отношение к моим работам: «Пашете так глубоко, как никто у нас». Чувствую всегда <в таких случаях> неловкость, хотя ему я безусловно верю, как глубокому, искреннему человеку. Должен был убеждать <его>, что я не философствую и что сейчас философия не идет так глубоко, как наука.

Рассказывал, что около 5 1/2 лет просидел в тюрьме — выпущен больной и ослабленный голодом. Его должны были выслать на 3 1/2 года в Сибирь призывают его и дают подписать бумагу, что его высылают на три года за границу[27].

Днем был А. И. Яковлев[28]. Живой разговор — всегда рад

его видеть. Между прочим, <он> часто переходит на французский язык, так как думает, что во многих домах в стенах есть слуховые устройства для подслушивания. Передает, что есть случаи, которые иначе <как подслушиванием> нельзя объяснить. Я думаю, что он пересаливает.

Колхозы все более превращаются — вернее, утверждаются — как форма 2-го крепостного права — с партийцами во главе. Сейчас, <в связи> с разной оплатой при урожае, выступает социальное неравенство.

Был Анатолий Михайлович Фокин[29]. Рассказывал о двоюродной тете, зажиточной женщине (300 р. в месяц). После 1905 года <она> научилась музыке как <средству> заработка в случае будущей революции. «Умные» люди считали <это> чудачеством — но в последнюю революцию она благодаря этому действительно прожила «хорошо».

На Кубани (он из Майкопа) осталась едва 1/3 станиц — жители других частей были выселены. Сейчас кубанцы оказались рыбаками у Белого моря (<рассказывал> Ферсман[30] при поездке в Кировск).

19 февраля.

2 декабря 1940 года в Ленинграде неожиданно умер Николай Константинович Кольцов, крупный ученый и сознательный гражданин своей страны[31]. Играл до большевистской победы крупную роль в московском обществе. Я с ним сталкивался часто по Высшим Женским Курсам с 1903 до 1911 года. Очень высоко ставил его научную работу, но в значительной мере разно <был с ним> в политическом <отношении>. Он был социал-демократом, но не большевиком. Однако не того направления, как Виппер[32], <он был> более радикальным. Он вышел в 1911 году <из Московского Университета>, а Виппер остался[33].

На Высших Женских Курсах я замечал, что Николай Константинович имел тактический прием выдвигать к концу заседаний самые важные вопросы, которые он проводил под сурдинку, когда все устали. Заметив это, я внимательно следил за ним и выступал в конце, не давая ему употреблять эту тактику. Кажется, он это заметил.

Его первая работа — или одна из первых, где он указывал <на> скелетные образования в клетках, — особенно мною ценилась. Блестящий лектор и превосходный педагог и организатор. Его представление о живом белке мне было всегда

чуждо — даже теперь я отношусь более осторожно, чем до 1911 года. Он один из первых ясно оценил правильность моего определения живого вещества как совокупности живых организмов и оттенил <это> в одной из своих статей по биохимии в одном из энциклопедических словарей.

Он был арестован в 1917 году (?)[34] и судим. В тюрьме он изучал последствия голодания на своем организме. После освобождения — он одно время добился широкой постановки своей научной работы, главным образом в 1920-х годах. Постепенно он столкнулся с официальной схоластической формой левого гегельянства (ленинизм — сталинизм?), и в 1939 году его экспериментальная работа была разрушена. Это — течение мысли, проводимое Филипченко, Н. Вавиловым и Кольцовым.

В 1939 году его лаборатория была из Наркомздрава переведена в Академию и была фактически разрушена. Ему предлагали сохранить двух научных сотрудников (одна из них — его жена Садовникова (?)[35]) и вести свою работу. Но он отказался. Вся работа по евгенике была признана вредной и ненаучной (!). [Но сам Кольцов продолжал работать. Умер внезапно в Ленинграде, его жена на другой день здесь, в Москве, кончила самоубийством][36]. Это — жертва «философских», по существу, религиозных преследований идеологического характера. Мне кажется, Кольцов стоял в стороне от философии — но был скорее материалистом, а не скептиком. Его социал-демократизм был весь в рамках свободы и не перешел в «тоталитаризм» <форму,> какую приняло большевистское его течение. Для Кольцова свобода мысли и научной работы — основная <слагаемая> счастья.

В. Н. Лебедев[37] передал мне более точные сведения о его смерти и последних днях — он с ним и дружил, и работал более 30 лет. Гонения на Кольцова начались на идейной почве в связи с его увлечением евгеникой (одновременно с Филипченко, который работал в КЕПСе[38]). Эту работу он должен был прекратить. Но работу над генетикой и экспериментальной биологией он вел до последних месяцев. Гонения начались с выступления в «Правде» в 1938 году — при первых больших выборах <в Академию Наук>, где Бах, Келлер и К° выступили с обвинением Берга и Кольцова[39].

По поводу «Проблем биогеохимии. — IV. О правизне и левизне». В разговоре со мной 17.II.1941 года А. И. Яковлев (разговор записал), между прочим, указал на роль Вейнберга в Издательстве — образованного, ведущего все дела. Он считает его самым в политическом отношении вредным. По поводу <того>,

что в «Проблемах биогеохимии. — IV» <на титуле> стоит: «Ответственный редактор академик В. И. Вернадский» — <это> совершенно исключительное явление, как будто <у нас существует> возможность печатать без цензуры. <Разговор с А. И. Яковлевым> напомнил мне, как это <...> [40].

Ко мне неожиданно явились три лица из Издательства, из которых помню только Вейнберга, с которым у меня был главный разговор. Меня немного удивил их приезд (был, кажется, заведующий Издательством). Я сказал, что я абсолютно не понимаю, в чем дело и почему «правизна — левизна» может возбуждать такое, непонятное мне, политическое сомнение. Вейнберг ответил: «Вы не ошиблись. Если есть правое, то есть и левое». Я ему говорю: «Вот видите, какое это глубокое понятие». Он сказал, что книга выйдет. Она вышла с надписью: «Ответственный редактор академик В. И. Вернадский». Это обратило на себя внимание. Я обратился к Н. Г. Садчикову[41], и, очевидно, он приказал.

Издательство умыло руки? И отвело от себя кару?

20 февраля, утро. Четверг.

Упорно — почти бессознательно — «тянет» работать над хронологией жизни, в аспекте рода моих детей; углубляюсь вглубь (до XVII столетия) и ловлю момент. Наташа помогает — по письмам, остаткам семейного архива, медленно приводимого в порядок. <Происходит это> точно стихийно — неужели напишу «Воспоминания о пережитом», большое значение которых я ярко сознаю. Много видел людей из ряда вон выдающихся, диапазон и научной, и общественной жизни был очень велик.

Газеты переполнены бездарной болтовней XVIII съезда партии. Ни одной живой речи. Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одаренности выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники — боящиеся сказать правду. Показывает, мне кажется, большое понижение их умственного и нравственного уровня по сравнению с реальной силой нации. Ни одной почти живой мысли. Ход роста жизни ими не затрагивается. Жизнь идет — сколько это возможно при диктатуре — вне их.

4 марта. Вторник.

Эти ближайшие дни увлечен разбором и выяснением «Хронологии» — моих писем к Наташе 1911 года, ровно 30 лет назад, — год, который сыграл поворотную, еще до революции, роль в моем миропонимании. Я перестал читать лекции и ушел исключительно в научную работу. Работал интенсивно — впрочем, почти так же, как <работаю> теперь.

Вернулся, прогулявшись по Воробьевым <горам> (Можайское шоссе), и затем продолжил «Хронологию». Думаю, что фактически я подготовляю матерьял для «Жизненного пути».

9 марта. Москва.

Мы ограничены в наших научных представлениях научной работой прошлых поколений, в рамках которой мы неизбежно идем, на которую мы опираемся и корни которой идут в десятки тысяч лет вглубь от нашей жизни.

С каждым поколением эта зависимость от прошлого упрочняется и логически уточняется. За самые последние поколения мы явно входим в критический период усиления этого процесса, и научная работа становится проявлением геологической работы человечества, создает особое состояние геологической оболочки — биосферы, где сосредоточено живое вещество планеты: биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу.

13 апреля, утро.

Пережил очередную сердечную спазму, как всегда появляющуюся неожиданно. Пришлось обратиться к врачу (Мар. Ник. Столяровой), пролежать наполовину в постели. Я думаю, что это еще одно из кровоизлияний. Прислушиваясь к себе и к своим внутренним переживаниям, я вижу, что базис жизни неуклонно понижается, но пока не затрагивает мой основной корень сознательной жизни.

Сейчас еще не оправился.

24 апреля, утро. Четверг.

Судьба Тихоновича[42] — судьба тысяч, если не сотен тысяч людей: это общее явление, создающее неудобство жизни в нашей стране, — одно из проявлений гниения государственного аппарата, общественно-политическое явление резко отрицательного характера. Все будущее зависит для России от того, победит ли оно или <победит> ему противоположное — <то> положительное и большое, что у нас делается. — Кто знает? Каковы реальные — нами, к сожалению, не улавливаемые — формы происходящего процесса?

Николай Николаевич — сохранившийся, здоровый старик, мой старый ученик. В последние годы работал как геолог. Сейчас он имеет право жить за районом Москвы. В Москве он имеет комнату в квартире жены — в Черемушках. Служит в тресте.

25 апреля, утро. Пятница.

Тихонович кочует для ночевки <в Москве>, обычно спит с кем-нибудь. Иногда много <людей> в комнате. Имея комнату в Черемушках, не может там пока прописаться.

Любопытно, что помощник Берия, к которому он обращался за помощью, его знакомый и товарищ по заключению в лагерях. Он и в лагере был на особом положении: за ним ходил «штатский», а не солдат, — но он находился на положении заключенного. Тихонович говорит, что он вполне понимает <его> положение, но пока сделать ничего не может.

Растущее недовольство.

Шоферы — «добровольно» — сравняли свою оплату по предложению Шверника, которое было проведено как будто решением собрания. Никто не решился протестовать. Часть шоферов получала 800 <рублей>, а теперь все будут получать 500. Мой шофер (Николай Никифорович Свережевский) вместо 800 <будет получать> — 500. Примерно пополам. Но с семьей на 500 жить, как жили, нельзя. А наряду Шверник и в <его> окружении получают много. Проведено сразу, без всякой подготовки.

Все непрочно. И полное недоумение о японском пакте[43]. Всюду явная подготовка к быстрой войне.

26 апреля, утро. Суббота.

Второй день все покрыто снегом, все крыши и улицы. Держится немного ниже нуля. Чрезвычайно поздняя весна.

Физически все-таки чувствую себя не первый сорт. Но мысль работает хорошо.

Уже в XVIII веке надо было покончить с крепостным правом. Узость и вредоносность таких лиц, как Филофей[44] и царская семья, ярко вырисовываются. Настоящая история шла стороной — и пришла к большевизму. Но, в другой форме его, охватило разложение и большевизм: так или иначе, мильоны людей (НКВД) попали в положение рабов, и идет развал — все воры в партии и только думают, как бы больше заработать, — действуют вопреки основной идее коммунизма (органическая свобода). Наркоматы — их число все растет представляют из себя живой брак.

27 апреля, утро. Воскресенье.

Вчера сидел дома — не хочу еще выходить пешком, целый день был ремонт машины. Физическое разложение организма медленно, но упорно идет в трех направлениях: глаза (главным образом правый), сердце и нервная система (галлюцинации). И в то же самое время умственный аппарат находится в творческом расцвете.

Утром по делам метеоритным — с Криновым. Подписал к печати 1 и 2 выпуски «Метеоритики», хлопоты об издании которых и само название которых были отчасти мною обязаны Н. П. Горбунову, тогда <бывшему> в полной силе; он грубо был исключен из академиков, когда была уничтожена должность Непременного секретаря — с полным нарушением академического устава.

Но я, конечно, и не смотрю на современное законодательство как на нечто абсолютно стойкое, и для меня оно в такой абстрактной форме не есть даже идейное реальное, каким оно является и к чему как будто шла демократия и парламентаризм. Эта форма не смогла обеспечить основы безбедной и безголодной жизни массы населения — что вполне обеспечено той силой энергии, которой реально владеет человечество.

По-видимому, Горбунов находится не в тюрьме, но исключен из партии и занимает какое-то маленькое место в провинции. Но кто знает — человек исчез[45]...

Ввиду того, что мои две статьи о Павлове[46] не были допущены цензурой и № <«Бюллетеня МОИП»> вышел без них, я

25 марта написал жалобу начальнику Главлита Н. Г. Садчикову с жалобой на цензоров и с просьбой о помощи. Вчера секретарь Садчикова известил меня, что статья пропущена, и о том же было извещено Московское Общество Испытателей Природы. К вечеру звонили еще от Садчикова, что они разобрались, в чем дело. На корректуре была надпись Г. Ф. Мирчинка[47], что редакция не согласна с высказываниями автора, — но Мирчинк отказался объяснить, в чем не согласна, и цензор Котов подумал, что что-то неладно, тем более что я вице-президент Общества, и задержал статью; <что> теперь Котову разрешено выпустить и что Главлит не видит ничего в статье подозрительного. В экземпляре, мною посланном Садчикову, не было этого примечания Мирчинка, и я просил его мне прочесть — там было сказано просто: не согласна — и баста. Всюду страх, и Мирчинк, и Котов — перестраховщики.

Вчера у меня была Варвара Алекс. Левицкая. В той неразберихе, которая идет сейчас в высшей школе, — она, окончив картографический отдел факультета, не находит места — картографы не нужны. Ее хотят посылать как топографа в глушь. Узкая специализация сказывается.

Я все более и более убеждаюсь, что главный наш брак — наркомы и другое начальство. Оно ниже среднего уровня, например, научного работника или физического рабочего.

30 апреля. Среда.

Вчера написал и послал председателю Комитета Высшей Школы Кафтанову[48] о Личкове[49]. Я требовал пересмотреть дело <Личкова>: его утвердили профессором в Самарканде до 1.I.1942 года и отказали в праве защиты готовой <докторской> диссертации («О геологическом значении рек»), двухтомной <работы>, принятой к защите в Географическом Институте, и требуют сдачи кандидатского экзамена. Письмо написано резко и откровенно. Не знаю, подействует ли это на Кафтанова, — это дубина малообразованная. Типичный современный бракованный нарком.

1 мая.

Холодный, но прекрасный весенний день.

Я весь под впечатлением моего вмешательства — неожиданно для меня удачного — в судьбу Б. Л. Личкова.

29 апреля написал письмо Кафтанову с просьбой о пересмотре решения о Личкове — письмо конфиденциальное (ввиду <...>[50] на НКВД), но откровенное и резкое в оценке решения ВАК. Вчера днем мне позвонили, как я просил, от Кафтанова и сообщили, что Личкову разрешается защищать диссертацию без <сдачи> кандидатского экзамена и что вопрос о профессуре будет решаться в связи с утверждением <в> степени доктора после диспута. Послал <Личкову> телеграмму и сегодня письмо. Вчера все время находился под влиянием этих событий.

В Президиуме <Академии>, который завален работой с плохим, почти негодным аппаратом, не справляются с делом. Комаров болен. Борисяк говорит, что он <Комаров> теперь заговаривается. Ужасно жаль — большое это несчастие для Академии. Шмидт, его явный враг, тоже болен — удар? Чудаков честолюбив, но недостаточно образован, и все они трое в ссоре[51]...

Кончаю вчерне пятый выпуск «Биогеохимических проблем». Выйдет целая книжка, и, мне кажется, мне удалось здесь связать ряд явлений по более верному и новому <пути>.

Подписал <в печать> два номера «Метеоритики».

Геологический Институт представляет из себя сейчас крыловский концерт. Маразм.

2 мая, утро. Пятница.

Вчера весь день — как навязчивая идея — <находился> под влиянием моего письма к Кафтанову и его эффекта. Позвонил Щербакову[52], поблагодарил за <его> совет — от себя просить пересмотр дела <Личкова>. Он был совершенно поражен эффектом — никогда этого не бывало. Ответ на 2-ой день! Что менее всего вероятно, <сыграл роль> мой официальный «авторитет». Я не раз сталкивался <с тем>, что в этом отношении я не могу жаловаться.

3 мая. Суббота.

Холодная весна. Утром 3-8°.

Вчера днем была Мария Павловна Белая, одна из моих старых работниц по Биогелу[53]. Она работала в Петербурге у Н. И. Вавилова над анализом семян ржи, собранных с огромными затратами из всего Союза. Когда мы приступили к работе, то оказалось, что de facto из того, что числилось, осталось не много. Огромный научный труд Н. И. Вавилова был уничтожен чиновниками.

Ее братья, украинцы, в ссылке — семья пострадала, дети и т. п. Это одна из характерных черт современного положения. Огромное количество — тысячи, сотни тысяч и мильоны — страдающих невинно людей. Искажается этим путем идеал коммунизма, и состояние нашей страны в мировом аспекте теряет свою моральную силу. Это — язва, которая скажется при первом серьезном столкновении.

8 мая. Четверг.

Вчера утром занимался с Аней — запущенная текущая работа. Переписка.

В Лаборатории был большой разговор. Вынуждены считаться с партийной «общественностью», которая всецело проникнута полицейским сыском и <полицейскими> способами действия. Это — то разлагающее, которое сказывается на каждом шагу. Несмотря на эту принижающую обстановку, все-таки работа идет сколько возможно.

Очень большое впечатление на меня произвела Ротмистрова (моя ученица по Высшим Женским Курсам начала столетия). Так редко среди женщин — <она> немолодая — встретишь такую глубину и оригинальность мысли. Надо прочесть ее работу.

11 мая. Воскресенье.

Холодный май. Сейчас утро. Ясная солнечная погода и 0° в 7 часов утра.

Любопытной чертой нашего времени являются некоторые неожиданные и непонятные черты организованного невежества — патологическое явление, однако очень глубоко влияющее на жизнь. Два явления здесь бросаются в глаза.

<Первое. — Запрещение синоптических карт, искажение одно время высоко стоявшей работы Главной физической

обсерватории. Не только не печатаются карты — исчезли в работе циклоны и антициклоны. Одно время в «Социалистическом земледелии» — органе Комиссариата земледелия — печатались данные о температуре, дождях и т. д. Не знаю, печатаются ли они и теперь. Трудно достать: в киосках Москвы их почти нет. А между тем, несомненно, для авиации — которая растет — эти данные должны быть.

Но сейчас, мне кажется, мы переживаем какое-то глубокое изменение климата. Опять — второй — резко аномальный год. Холод и дождь. Приезжие с юга ворчат о затруднениях машинного и железнодорожного сообщения. Залито водой — сплошные болота, запоздание поездов.

Второе <явление связано с> географическими картами. Все искажено, и здесь цензура превзошла все когда-то бывшее. Вредители сознательные и бессознательные слились. Оппоков[54] сидит из-за своих исследований Днепра, сделанных до революции. Работы Выржиковского[55] (сидит) полузасекречены. Дерюгин[56] не мог напечатать карт Японского и Охотского морей. Дурак цензор <...>[57] ему сказал, когда он показал ему опубликованную японскую карту: «А может быть, они нарочно это напечатали, чтобы провести нас?»

Шмидт правильно дал Кулику[58] нагоняй <за то>, что он недостаточно внимательно отнесся к болиду, наблюдавшемуся под Москвой «членом правительства». Кулик вынужден ехать <на место> сам. При реальных наших условиях — диктатура «правительства» — это неизбежно.

Начинаю думать, что моя «Хронология» — ценный матерьял для моих «Воспоминаний», которые, может быть, еще придется написать, — если придется прожить несколько лет.

Днем Аня прочла мою статью о Гёте. Вероятно, опять придется столкнуться с дурацкой невежественной цензурой.

Третьего дня <был> у Авербаха (мой «ученик» 1890 года!) [59]. Осмотрели <глаза> со всеми приборами. А вчера — у Бакулева[60]. Ясно, что современная медицина бессильна в этой области. Авербах говорит, что для моего возраста у меня глаза прекрасные, а Бакулев ворчал, что изменения так глубоки, что никакие очки не помогут, а о биноклях они ничего не знают. Медицинское стекло очень плохое, и врачи не могут добиться, чтобы на это обратили внимание. Всюду — брак.

12 мая. Понедельник.

Статью о Гёте принял для печати Струмилин[61], председатель Комиссии по истории науки и техники. В сложной, полной интриг, политических и личных интересов <обстановке> (причем и коммунисты попали в разные группы) образовались две комиссии: «Научное Наследство» (<председатель> — Комаров, куда и я попал) и Комиссия по истории науки и техники, которая прошла среди интриг и непонятных махинаций. Струмилин — вполне порядочный человек и добрый, идейный, хороший.

Вчера видел много народа. Никуда не выходил. Холодно и неуютно. Работал над «Хронологией» и много читал.

Утром приходил начать писать мой портрет художник Ростислав Николаевич Барт — от Ферсмана, по инициативе которого я согласился. Я хотел бы, если бы <портрет> оказался хороший, послать <его> Танечке[62].

14 мая. Среда.

Третьего дня интересный разговор с Валентином Трофимовичем Малышеком[63]. С ним я и Лаборатория уже несколько лет поддерживаем научный контакт. Он завален текущей, во многом ненужной работой. Никак не может обработать огромного материала химического анализа нефтяных вод. Теперь как будто это сделает. Убеждение о подземной жизни у него наконец складывается.

В Баку сильно ухудшились условия жизни. Все привозное — всего не хватает. Еще — войска.

Жалуется на рознь азербайджанцев с русскими — стремление всех заместить местными. Его и тому подобных людей, выдающихся и нужных, не трогают — но замещение местным человеком каждой вакансии, часто в ущерб возможному лучшему русскому кандидату, <встречается> на каждом шагу.

Это естественно, и, по-моему, выход один <для достижения того>, когда этого не будет: русский должен свободно владеть местным языком — и понимать ее <нации> культуру.

16 мая. Пятница.

Был у О. Ю. Шмидта. С ним разговор по вопросу об уране и о прекращении работ в Табошарском <месторождении>. Он сказал, чтобы В. Г. Хлопин[64] прислал <данные о

месторождении>, прежде чем обращаться лично — например, мне — к Сталину. Между прочим, я ему указал, что сейчас обструкция у физиков (Иоффе, С. Вавилов — я не называл лиц): они направляют все усилия на изучение атомного ядра и его теории, и здесь (например, Капица, Ландау) делается много важного — но жизнь требует <развития> рудно-химического направления. Я ему напомнил, что наши физики остались в исторически важный момент при создании учения о радиоактивности в стороне от мирового движения и теперь <история> повторяется. Тогда, может быть, <сыграла свою отрицательную роль> ранняя смерть П. Н. Лебедева — а вступившие <после него> не имели нужного авторитета. Ведь ненормально, что я, не физик, организовал Радиевый институт.

17 мая. Утро. Суббота.

Вчера утром умер Иван[65]. Так мы с ним и не увиделись. Он хотел приехать, и надо было бы перед уходом из жизни повидаться.

Все построения — религиозные и философские — о смерти являются сложными концепциями, в которых научно реальное, вероятно, едва сказывается, — а научная мысль еще не подошла даже к первым построениям.

Странным образом, я подхожу к идее, что атомы — изотопы — иные в живом и косном. Это во-первых, и, во-вторых, ясно, что: 1) все живое, от мельчайшей бактерии и амебы и до человека, — единое, 2) что материально оно отличается от всех косных природных тел мироздания — поскольку мы его знаем. Я думаю, что различие кроется глубже, чем в физико-химических свойствах (которые одинаковы), но в состояниях пространства-времени. 3) Мы не знаем еще многого основного: есть неизвестные нам свойства человека, которые затронуты, по-видимому, индийскими мыслителями, и мы не знаем, какие процессы были или есть в природе — на Земле, в частности, — которые отвечают созданию пространства-времени, отвечающего живому организму. 4) Возможно, что жизнь — живой организм в отличие от всего, в природе существующего, отличается атомами. Идея Лукашевича[66] имеет прочные основания. 5) Это явление космическое. В Космосе Солнечная система заняла особое положение в Галактике — около <ее> центра.

Николай Павлович Анциферов[67] звонил мне, что он недавно видел Ивана он <был> бодрый, собирался к нам в

ближайшее время. Умер внезапно. Был христианином с мистическим оттенком — глубже понимал христианство, чем, например, Шики-Шаховские. Думаю, Георгий мой[68] к его настроениям близок.

Была вчера Екатерина Николаевна Котляревская-Орлова[69]. Страдает за мужа. Грубое отношение меркуловских молодцов к семьям пострадавших. Изысканная жестокость, <...>[70] опасное семя.

Никогда в последнее время не было такого интереса к внешней политике как «бегство» Гесса. Все считают, что это переговоры Германии с Англией за наш счет. Говорят, что немецкие войска <находятся> на <нашей> границе. Думают, что они с нами не будут церемониться — и пустят в действие газы.

И в то же время ослабление — умственное — Коммунистического Центра, нелепые действия властей (мошенники и воры проникли в партию), грозный рост недовольства, все растущий. «Любовь» к Сталину — есть фикция, которой никто не верит.

Будущее чревато <неожиданностями>. Я уверен в силе русского (украинского и т. п.) народа. Он устоит.

18 мая. Воскресенье.

Мысль об Иване — все время. Последний (и самый старый по возрасту) из нашего Братства[71] ушел, полный сил умственных. Тяжелые и хорошие переживания нас связывали теснейшим образом — его и Машу[72], меня и Наташу. Неожиданно для меня все тяжелое забыто и в корне <переосмыслено>. Иван здесь играл пассивную роль — страдающего. Это явно указывает, что с точки зрения истины — как она сейчас выработана человечеством — это тяжелое переживание (грех) — второстепенно.

Иван должен был приехать к нам на днях. Фатум древних резко сказался в жизни нашего Братства, характерным для которого были его интимность и <...>[73] большой организованности. Попали в такой мировой катастрофический период, который многое во всем происходящем объясняет.

Надо сохранить архив Ивана.

19 мая. Понедельник.

Читал с большим интересом книгу Rauschning'a о Гитлере. А. И. Яковлев считает — мне кажется, ошибочно, — что за Гитлером <стоят> настоящие хозяева — генералы. Все, что пришлось слышать за границей, говорит обратное.

Большое возбуждение вызывает бегство или поездка Гесса в Англию. Рассказывают о возможности войны с Германией. Официальные влиятельные круги скорее ближе к английской ориентации. Я боюсь, что официальная лесть и пресмыкательство ЦК партии принимает за реальность. А между тем грозно всюду идет недовольство, и власть, окруженная морально и идейно более слабой, чем беспартийная, массой, может оторваться от реальности. Две фигуры: Сталин и Молотов — остальное <...> [74].

Большинство думает, что мы и наша армия не можем бороться с немецкой <армией>.

Я думаю, что в конце концов немцы не справятся <с нами> — но фикция революционности, которая у нас существует, где две жандармские армии и мильоны каторжников (в том числе цвет нации), не может дать устойчивости.

Получил от Георгия вырезку: огромные успехи в Америке с новым циклотроном, перед которым пасуют все больше <циклотроны>, у нас еще строящиеся.

При великолепном, в общем, людском материале, возможность их <научных работников> проявления <очень ограничена> — методика не на высоте.

20 мая. Узкое[75].

Сегодня приехали к 2 часам дня в Узкое. Дождливый холодный день.

Сегодня получили от Ниночки[76] старые письма от 22-23 марта — о той поразительной перемене, которая произошла с Танечкой, когда ей позволили писать левой рукой[77].

7.IV.1941 года — письмо Степанову[78] в связи с реконструкцией Геологического Института Академии Наук. Нездоровье не позволяет лично присутствовать при обсуждении <на Президиуме этого вопроса>. В сущности, эта организация Института введена в 1938 году распоряжением Кагановича (как бы постановлением <Академии>). Маразм научной работы при наличии талантливых и работящих людей — явно благодаря гниению центра, который в XX веке организован, как при царе Алексее Михайловиче. Добился малого — если добился.

Безответственная роль партийной организации из молодежи, фактически схватившей только верхи и этого не сознающей и в то же время все усилия которой направлены на «лучшую» жизнь — на всяческое получение денег. Кашкины, Коневы и т. п. <партийцы> представляют организацию в организации и в значительной мере искажают структуру Академии. Один, как покойный Архангельский[79], из мелкого честолюбия пытался этим воспользоваться — А. Е. <Ферсман> из боязни, так как ему не верят, и неуменья выбирать людей менее сознательно шел на недопустимые компромиссы. Жизнь вносит поправки, но с опозданием. Чувство гниения направляющих центров.

5.V.1941 года Сталин стал председателем Совнаркома, Молотов — его заместителем. Личная диктатура выявилась наружу. Говорят, он вылечился.

21 мая, утро. Узкое.

Холодное, ветреное, но солнечное утро. Санатория почти пустая. В санатории нет градусника — еще не повесили! Это повторяется каждый год.

Написал три открытки Ниночке в связи с ее интересными письмами о Танечке: левша — и резкое изменение в ее поведении и способностях.

Чем более думаю, тем более убеждаюсь, что я правильно охватил левизну-правизну, охватил явление: разное состояние пространства в живом и косном. Это — явления новообразований состояний пространства, неизученное реальное явление в истории нашей планеты и, очевидно, мироздания.

Надо добиться четкого письма — следить за собой[80].

Здесь — бывший мой слушатель — «средний» студент, по его словам, жизнь которого была разбита fatum'ом, — Иван Иванович Мельников[81].

24 мая. Узкое.

Немедленно по утверждении меня Головой Украинской Академии Наук[82] я вышел из Конституционно-демократической партии и ее Центрального Комитета[83]. Во всех киевских газетах появилось мое мотивированное письмо об этом. Я мотивировал это тем, что считаю президентство в Академии Наук

несовместимым с политической деятельностью. Такое же письмо я отправил в Киевский комитет Конституционно-демократической партии. Секретарем его была тогда сестра Луначарского, симпатичная и умная женщина. Она позже перешла в партию большевиков, говорят. Я тогда уже потерял ее из виду.

Когда в 1922 году я уехал в Прагу, там я заявил об этом князю П. Д. Долгорукову[84], и помню, раз рядом в комнате заседал Центральный Комитет Конституционно-демократической партии: я отказался прийти.

Этот выход не был только следствием этой формальной причины. У меня уже <тогда>, когда я был во Временном правительстве[85], я глубоко был не согласен с правительством князя Львова, не говоря о Керенском. Считал ошибочной всю тактику <кадетов>. Деятельность кадетов во время междоусобной войны у Деникина окончательно меня <от них> оттолкнула — и в земельном, и в национальном вопросах.

27 мая. Узкое.

В записке 17.II.1932 года, поданной В. М. Молотову, я писал: «Больше года назад я обратился через Академию Наук в Ученый Комитет при ЦИК с ходатайством о моей заграничной командировке на год. Это мое ходатайство рассматривалось по неизвестной мне причине в особом порядке».

Второй раз писал Сталину о заграничной командировке, по совету Луначарского. Я упомянул о том, что пишу ему по совету Луначарского.

Луначарский говорил мне, что он получил выговор <от> Сталина — как же я могу вмешиваться в эти дела, беспартийный. Мне кажется, с 1930 года в партийной среде впервые осознали силу Сталина — он становится диктатором. Разговор со Сталиным произвел тогда на Луначарского большое впечатление, которое он не скрывал.

28 мая. Узкое.

1932 год. — На Украине голод. Он произведен распоряжениями центральной власти — не сознательно, но бездарностью властей. Доходило до людоедства[86]. В конце

концов местная украинская власть оказалась бессильной. Кончилось самоубийством Скрыпника[87] — хотя украинское правительство исполняло веления Москвы. Крестьяне бежали в Москву, в Питер много детей вымерло. В то же время в связи с неприятием колхозов (Второе (народное) Крепостное Право — Всесоюзная (народная) Коммунистическая Партия) <последовали репрессии>. Л. Н. Яснопольский[88] бежал из Киева от голода в Москву.

В феврале 1932 года я так и не мог видеть Молотова, так как он сидел целые дни и вечера в связи с какими-то происходящими в это время аграрными преобразованиями. Мне кажется, в это время шла какая-то большая работа по учету колхозов и совхозов?

В это время Молотов только принял Гамова[89], который его обманул и не вернулся. Молотов был тогда еще homo novus и только приобретал влияние. Я встретил Гамова в Париже, и он сразу — в разговорах и поступках — ясно выступал, открыто говорил об условиях нашей жизни — о терроре и бестолочи. Гамов имел большой успех как ученый своими мировыми <работами>.

В конце концов Молотов поручил мое дело Куйбышеву, который прочел мою записку, и в связи с этим я имел с ним короткий разговор. Впечатление от него было скорее благоприятное. Очень <был> любезен. «Зачем же Вы хотите уехать?» — <спросил он>. Я ему сказал, что они заставляют меня уехать, так как здесь — без заграничных командировок — я не могу иметь нужных для меня условий научной работы. Я желаю этого избежать, так как работа, которую я здесь веду, мне дорога и ломать ее я не хотел бы. «Вы меня заставляете <уехать, — говорил я, — не давая возможности вести основную мою работу, которой я, как ученый, жертвовать не могу и где я дошел до больших обобщений».

Куйбышев, который произвел на меня впечатление порядочного человека, заявил мне, что я могу ехать, но он просил меня пробыть <в Москве> еще несколько дней и принять участие в Совещании по гелию, которое на днях <должно было> состояться в Кремле под его председательством.

Я согласился, конечно. Еще 3-4 дня пришлось ждать. Перед этим я был на гелиевом Совещании в Госплане (под председательством Сыромолотова, одного из убийц царской семьи[90]). В этом совещании мне пришлось выступить. Совещание <было> беспорядочное. Я выступил с указанием необходимости снять засекречивание, считая, что это позволяет работать хуже, без критики, и фактически дело не двигается. Как будто и Сыромолотов <меня> поддерживал.

Возвращаясь к куйбышевскому совещанию, я увидел там многих из тех лиц, которые были немного недель тому назад в Госплане. Мое появление произвело сенсацию; но кроме них здесь было много важных чиновников и дельцов, среди которых огромное большинство были евреи, мне незнакомые. Некоторые из них держали себя комично важно. Один из них (фамилию которого не помню) погиб во время воздушной катастрофы — какой-то заместитель наркома. Я здесь защищал ту же точку зрения о необходимости гласности в вопросе о гелии, указывая, что при отсутствии критики работа идет неизбежно ухудшаясь и сводится на нет. В заключительном слове Куйбышев присоединился к моему мнению, но ничего из этого не вышло.

Я помню, что в 1932-1933 <годах>, когда я был за границей, меня поразило в заграничной эмигрантской печати малое влияние, которое в ней занимал голод <в нашей стране>. И близкие мне <люди> этого не сознавали. Иностранные корреспонденты в Москве указали на это много позже.

Перед отъездом из-за границы я получил трогательное прощальное письмо от Фед. Изм. Родичева[91]. Он как бы сознавал, что мы <больше> не увидимся. Не знаю, вывезла ли Ниночка тот архив, который мы оставили у нее в Праге, когда уезжали в Россию, когда она переехала в Америку[92].

Когда мы приехали в Прагу, незадолго перед этим умерла Анастасия Сергеевна Петрункевич — один из наших друзей, наиболее близких и дорогих. Иван Ильич <Петрункевич> умер раньше. Есть его «Записки» (и у меня) интересные[93]. Надеюсь, сохранилась наша переписка с Анастасией Сергеевной. Я думаю — так мне тогда казалось, и я как-то говорил об этом с Иваном Ильичом, — что у Анастасии Сергеевны — эпистолярный талант.

30 мая. Пятница. Узкое.

Вчера — начало сессии Общего Собрания <Академии Наук>.

К моему удивлению, она интересная, хотя организована — в смысле демонстрации — плохо.

Мои глаза и уши явно ухудшились. И меня поразило резкое изменение явное старение — моих сверстников и даже более молодых, чем я: резко постарели, явно сдали за прошлый год академики Ферсман, Прянишников, Шмидт, Бах, Фаворский, Ляпунов, Щербатский и другие.

В самую последнюю минуту — очевидно, <вмешался> Сталин (?)[94] произошло изменение тематики: выдвинуты проблемы организованного срочного поднятия плодородия, урожаев. Уже в толпе, входя в зал, я встретился, мне кажется, с Лискуном[95], которого давно — года два — не видел; он постарел и потолстел. Он мне сказал: «А Ваша Академия поставила наш вопрос — вопрос урожаев». Я спросил: «Что же — совместная работа?» Он сказал: «Да неизвестно — может быть, слияние». Потом я его не видел.

Открывая заседание, Шмидт сказал, что общий плановый доклад сделает Прянишников[96], который подготовился — хотя раньше думал, что не успеет.

Его доклад очень интересен — расчет на 15 лет; в основе — <упор> на скотоводство (навоз) и на химизацию. Для меня ясно, что это — если осуществить — будет иметь решающее <значение>. Точки над i поставил Варга[97]: через 15 лет — даровой хлеб для всех граждан. Он указал и на огромное политическое значение этого достижения. На меня это произвело огромное впечатление. Возражал Прянишникову Лысенко — очень мало и слабо, против клевера.

Но я решил двинуть радиевое удобрение — надо переговорить с Виноградовым, Барановым[98], Хлопиным. Надо попытаться поставить этот вопрос реально — как задачу дня.

Был доклад Бу...[99], внешне небезынтересный, но весь проникнутый фальшью и всем официальным лакейством. Понимаю отношение Прянишникова к этому ученику Вильямса[100].

Для меня очень интересны <были> разговоры с Николаем Дмитриевичем Папалекси[101]. Он, с которым вместе ездили на заседание, <говорили> о космической пыли, ионосфере. Надо привлечь его в Метеоритный Комитет.

31 мая. Узкое.

Малая Советская Энциклопедия. 2-ое изд. Том 2-ой. Москва. ОГИЗ. 1934 г. Стр. 375:

«Вернадский В. И. (Род. 1863) — академик, минералог, геохимик и кристаллограф, один из основателей новой научной дисциплины — геохимии и генетической школы в минералогии. Наиболее крупные работы В.: «Опыт описательной минералогии», «Очерки геохимии», «Биосфера», «История минералов земной коры» и др. Участвовал в борьбе высшей школы со старым

режимом. По своему мировоззрению — сторонник идеалистической философии. В научных работах В. проводит идеи «нейтрализма» науки, выступает в защиту религии, мистики, исконности жизни и живой материи и ряда виталистических антиматериалистических концепций, отрицая материалистическую диалектику».

Мне говорил С. Ф. Ольденбург, что биографический очерк, составленный в Большой Энциклопедии А. Е. Ферсманом, явился одним из инкриминируемых, когда была в 1930-х годах изменена редакция Большой Энциклопедии.

Мое выступление в защиту религии: я ставлю или ставил сознательно на равное место философию, науку, религию. Это раздражает. Как-то Лузин[102] мне предложил вопрос — религиозен ли я? Я ответил положительно. Но я не вижу <в мире> проявлений Бога и думаю, что это представление вошло в человечество не научным путем и явилось следствием неправильного толкования окружающей нас природы (биосферы и видимого и ощутимого космоса). Элемент веры есть и в большевизме. Мистика мне чужда, но я сознаю, что нам неизвестны огромные области сознания, доступные, однако, до конца научному, поколениями длящемуся исканию. Я давно не христианин и все высказывания диалектиков-материалистов считаю в значительной мере «религией» философской, но для меня ясно противоречащей даже современной науке. «Сознание» — «мысль» — в атомистическом аспекте связано с определенными изотопами. Метампсихоз[103] в этом отношении — дальше идти нельзя пока допустим, но едва ли можно думать, что личность <после смерти> сохраняется. Гилозоистический пантеизм, может быть, одна из форм будущих религиозно-философских исканий. От витализма я так же далек, как от материализма. Думаю, что живое отличается от мертвого другим состоянием пространства. Это все доступно научному исканию. Может быть, наибольшее понимание дает для отдельного человека не наука его времени, а мир звуков музыка.

1 июня. Воскресенье. Узкое.

29-31 мая Общее Собрание Академии Наук, в котором подняты общие вопросы, частию заставившие меня задуматься над темами работы своей и Лаборатории и выступить принципиально, что я делаю редко. В этой сессии подняты основные вопросы — и научно-государственные, и вопросы

организации самой Академии.

Очень поразило и поражает меня явное ослабление и старение Академии. Чаплыгин[104] страшно поддался и трогательно нежен со мной. Приходится доживающим <свой век> переживать трагедию жизни — ее «загадку» — в грубой форме быстрого исчезновения того поколения, к которому относишься. Их еще много — от 70 до 80 <лет>, но они быстро исчезают. Если проживешь еще 10 лет, это будет менее ощутимо, так как их меньше осталось и уходят они из жизни медленнее — так будет казаться.

Академия это очень чувствует: Президиум из Комарова, Шмидта, Чудакова все серьезно больны. Мне кажется, у Комарова и Шмидта — <был> удар. От этого не оправляются, и люди, так заболевшие, не могут вести такую ответственную работу без вреда для себя и для Академии. Но нет путей из этого выйти, едва ли они из личных или идейных соображений уйдут сами. На это у них нет сил люди все честолюбивые.

Грубое постановление Президиума об Институте по экономике. Это все наследие Коммунистической Академии. Там всегда был, в общем, резко более низкий научный уровень и всегда был дележ пирога и чисто буржуазное желание больше зарабатывать — <это> так характерно для партийных работников Академии, для «секретарей» (как говорил покойный Сушкин[105]: «Ученые коты могут рассуждать только от печки»). Мы все это видим и знаем — в академической среде партийный состав среди научного персонала явно ниже <беспартийных>. Интриги — характерное явление среди партийцев, к сожалению и к огромному вреду для государства. Мне кажется, морально и интеллектуально партия ослабела. Это было видно и сегодня, когда Ярославский возражал (очень неудачно и слабо) Капице.

Прения были интересны. Первым выступил я — совершенно неожиданно <для себя>.

Я указал, что в своем плане организации научной работы Президиум не коснулся того, что нам нужно. Он хочет руководить и контролировать нашу работу, тогда как об основных данных, необходимых для работы, он не заботится. Так, большинство наших помещений никуда не годятся, так как переезд учреждений Академии Наук <из Ленинграда в Москву> семь лет назад был временный — мы приехали и поместились в негодных помещениях. Нельзя с этим мириться.

Еще хуже — если <это> возможно с оборудованием. Всем ясно — и это учитывается, — что современный завод или фабрика требуют прежде всего соответствующего для их целей здания. В плохих помещениях можно оставаться только временно. Но еще

важнее — отсутствие научных приборов или долголетия их постройки. У нас годами строятся циклотроны, которые в Америке и, по-видимому, Японии строятся месяцами. До сих пор у нас один циклотрон, построенный в 1939 году в бытность мою директором Радиевого Института. У нас нет ни одного масс-спектрографа, который <впервые за рубежом> был построен 30 лет назад, — у нас они построены, но не использованы. Когда мы три года назад начали его строить в нашей Лаборатории, то модель этого московского масс-спектрографа мы видели и пользовались советами ее строителя профессора Яковлева. Нам отказали в покупке масс-спектрографа за границей, без которого нельзя работать по изотопам; нам дали деньги — достаточно — и материалы, которые мы доставали с трудом. Мастера могли работать в свободное время за большую оплату своего труда. Работа была всячески заторможена. Мы нашли талантливого конструктора и в этом году надеялись <построить> два масс-спектрографа. В 1940 году Нир в Америке упростил <масс-спектрограф> для легких элементов, а затем доделал большой <масс-спектрограф> Бэнбридж. То же американский. Но прошло три года — и наша работа стоит.

Сейчас поставлена проблема урана как источника энергии — реальной, технической, которая может перевернуть всю техническую мощь человечества. Я начал работать в области радиоактивности почти сейчас же после <ее> открытия — больше 30 лет назад, и ясно вижу, что это движение не остановится. Но у нас идут споры — физики направляют внимание на теорию ядра, а не на ту прямую задачу, которая стоит перед физико-химиками и геохимиками, — выделение изотопа-235 из урана. Здесь нужно идти теорией, немедленно проверяя <ее> опытом. Начал работать большой циклотрон в Калифорнии, и сразу мы получили новые и неожиданные для всякой теории результаты: во-первых, по указанию американской прессы, удалось разбить урановое ядро так, что получается почти только <изотоп->235, и, во-вторых, <азот> № 14 переведен в радиоактивный углерод С14. Этот тяжелый углерод живет тысячу — по-видимому, больше — лет, и <он> радиоактивный. Это открытие огромного теоретического значения. Не отрицая, конечно, значения теории, я считаю, что сейчас не она должна привлекать к себе наше внимание — а опыт и новые нужные для этого приборы. Теория ограничена посылками — а сейчас здесь природные явления и опыт могут и действительно расширяют <...> [106].

12 июня. Четверг. Узкое.

Несколько дней не писал.

Погода со вчерашнего, третьего дня улучшилась резко. Тепло. Садовый мир проснулся, и лето вступает в свои права. — Обычное явление аномалии? Или проявление геологического <изменения> погоды?

Читал Hengam'a «Lenin» (1937). Многое для меня интересного. Пережил опять время моей молодости — студенческие годы, Шевырев[107], Лукашевич, Александр Ильич Ульянов. Многое рисуется теперь иначе, чем тогда. Это и понятно. Пришлось пережить целый исторический перелом: начало ноосферы.

Переживаем вторую <мировую> бойню — последствия которой должны быть еще большие. Из первой мировой бойни создалось полицейское, как и прежнее, <государство,> но власть находится в новых руках и <осуществлены> основные стремления социализма — без свободы личности, без свободы мысли. Но это не ноосфера — и совершенно иначе будет оценена творческая деятельность В. И. Ульянова-Ленина.

Многое было бы иначе, если бы его жизнь не была насильственно прервана. Или и без этого <у него была> неизлечимая болезнь? И. П. Павлов относился к нему иначе, считая, что это — патологический тип волевого «преступника». 1924 год — еще не сложилось Советское государство. 17 лет, <прошедшие> после его смерти, не дали развиться многому, что он мог бы дать.

В конце концов, 1924-1941 годы резко в основном разные, и сейчас нет той пропасти <между прежним и теперешним полицейскими государствами>, какую можно было видеть в 1924 году. Положение неустойчивое — но основные линии экономические останутся. Но непрочно то, что может существовать только при росте научной мысли, когда <эта> мысль не имеет свободы проявления и развития. Чувство непрочности и преходящести <существующего> очень сильно растет.

13 июня. Пятница. Узкое.

Жаркий день утром. В тени больше 20°С.

Приезжал на днях ко мне доцент С. В. Грабянко из Львова, с которым я был одно время в переписке. Он кончил

Технологический Институт в Петербурге. Говорит по-русски без акцента, также пишет <по-русски>. Польские общества во Львове закрыты. Из магазинов выбирают книги, часть идет в массу, <часть> уничтожается, кроме экземпляров для библиотек. В городе очень повысилось религиозное настроение. Верит, что испытания Польши временны. Отрезаны от Варшавы. Подтверждает известия (англичан) о массовых расстрелах в Польше. Знает мало, может быть, меньше, чем мы.

Профессора официально читают по-русски и по-украински, но некоторые de facto по-польски.

Сейчас лучше, не так давно во Львове был совсем голод. Масса войск. Я думаю, что помимо плохой и бездарной организации главная причина нарушения питания — в известной степени голод и затруднения с получением припасов связаны не с Германией, а с необходимостью содержать мильоны войск на всех границах.

Вчера у меня ясно сложилось представление о свободе мысли как основной геологической силе. Под влиянием чтения Hengam'a «Ленин». Развить в «Ноосфере». Ярко сказывается в строении нашей страны. Интересно, насколько в этом виновата ранняя смерть Ленина?

Как-то в Академии Ярославский сказал, что старые партийные <деятели> в партии 1941 года <составляют> один с небольшим процента. Поразительно пала умственная их сила и удивительно количество в партии «хозяйственников» (теперь это слово даже не употребляется, как несколько лет тому назад). Аппарат партийный даже в Академии очень низкого уровня.

Вчера для меня стало ясно, что в структуре ноосферы <на первое место> выходит человеческая мысль, то есть в реальной жизни человека свобода мысли должна стоять наравне с теми экономическими «свободами», которые лежат в основе всякого социализма. Без внимания в этой <...> [108].

15 июня. Узкое.

В «Правде» от 13.VI.1941 года помещена статья Д. П. Малюги[109] «Об успехах биогеохимии». Статья, как и надо ждать от Малюги, не всегда фактически верная — но все же знамение времени. Статья, говорят, сокращена чуть не вдвое. Д. П. Малюга — долгое время единственный коммунист в моей Лаборатории (сперва кандидат партии). Как все средние коммунисты, стремится достигнуть довольства, материальные

блага. Он родом из Черниговщины, человек средних способностей, но в работе не фальшивит. Кандидатскую диссертацию он защитил давно. Докторскую я его заставил (да еще раньше А. П. Виноградов) переделывать раза 3-4. Он с ленцой и недостаточно общего образования. Одно время, перед войной, его отставили от Лаборатории и собирались послать в Бельгийское полпредство. Он знает французский язык и т. д. Это разрушилось, и он вернулся к нам. Так как все места были заняты — нам прибавили единицу. А. П. Виноградову пришлось много с ним считаться — это было «око» в нашей Лаборатории. Но среди других его коллег он, пожалуй, лучше среднего коммуниста. Я думаю, что его «пролетарское» происхождение подозрительное.

Сегодня кончил и завтра посылаю О. Ю. Шмидту мое заявление в Президиум в связи с моим выступлением 30.V о научной работе Академии Наук. Мне кажется, мне удалось изложить главное все довольно ясно. Это мое выступление, несомненно, произвело впечатление. Еще сегодня мне об этом говорил Х. Коштоянц[110]. Мне несколько раз звонили из Президиума о присылке им изложения. Должно быть, заинтересовались в партийных кругах, следящих за академической жизнью. <Вопрос> должен рассматриваться в Президиуме 17 июня по состоянию здоровья решил не ехать. А. П. Виноградов отвезет 16 июня мою записку Шмидту.

16 июня. Понедельник. Узкое.

Невольно мысль направляется к необходимости свободы мысли как основной <составляющей>, равноценной основной структуре социального строя, в котором личность не является распорядителем орудий производства. Равенство всех без этого невозможно. Но оно и невозможно без свободы мысли.

Наш строй это ярко показывает, когда мильоны людей превращены — «на время» — в заключенных: своего рода рабство.

В конце концов великие идеи, <выросшие> в науке, искажаются.

Надо пересмотреть с этой точки зрения Маркса: он ясно видел, что мысль человека создает производительную силу.

Еще больше и глубже это проявляется в ноосфере. Но для этого необходимое условие — свобода мысли.

18 июня. Узкое.

17 июня 1941 года В. Г. Хлопин, как председатель Урановой Комиссии[111], по согласовании со мной — подал в Президиум от имени своего, моего, как заместителя председателя, и А. Е. Ферсмана, как председателя бригады, ездившей на Табошарский рудник весной, <заявление> об обращении в Правительство от Урановой Комиссии об изменении решения начальника Главметалла Егошина и наркома цветных металлов Ломова и об изъятии (со сметой) Табошарского уранового рудника на доразведку в трест Среднеазиатских цветных металлов. Егошин и Ломов, по-видимому, никуда не годные «дельцы», предлагали, истратив больше 20 мильонов в течение 7 лет, направить Табошарское месторождение на «консервацию». История с Табошарским месторождением урана — типична для бессмысленной траты денег и бессознательного вредительства. Надеюсь, что мы пробьем рутину и невежество советских бюрократов. — Посмотрим.

17 июня 1941 года в Президиуме Академии прошло создание на Биологическом Отделении Лаборатории по физиологии микроэлементов при Институте биохимии. Во главе поставлен Д. Н. Прянишников. Наша с ним работа останется нетронутой. Надо ее расширить радиоактивными элементами. В «Известиях» 12.VI упомянуто мое имя, вместе с Прянишниковым, <как> обративших внимание на значение «микроэлементов». Это название вошло, мне кажется, через нашу Лабораторию, но не я <один> был его автором — и А. П. Виноградов <также>.

Смерть Горького 18 июня 1936 года. Об убийстве его тогда никто не подозревал. Это «открылось» позже, и жертвами явились Левин и Плетнев которые «сознались» во время процесса[112].

Уже во время процесса мне показалась подозрительной роль Ежова помощника Ягоды — грубо-глупым рассказом об обоях его помещения. В 1941 году, в пятилетие смерти Горького, ни в «Правде», ни в «Известиях», ни в «Литературной газете» об этом «убийстве» никто не говорил.

19 июня. Четверг. Узкое.

Вчера <исполнилось> пятилетие со времени смерти Горького. Поразительно, что никто не говорит — и не верит? — в его убийство врагами. В «печати» («Правда» и «Известия») только Ярославский, между прочим, об этом упомянул.

Бедные Д. Д. Плетнев и Левин — пострадали напрасно; а Левин уже убит. Друг Я. В. Самойлова[113], мягкий человек и хороший врач, — он был у нас в начале нашей московской жизни: в 1890-х годах он был <нашим> домашним врачом. Потом <были> Филатов, Аргутинский — главным образом детские <врачи>. А. Я. Самойлова рассказывала, что так как Левин был кремлевским врачом и лечил <сотрудников> НКВД, — то он, когда его пришли арестовать, позвонил Ежову; тот его успокоил и сказал, что все это выяснится.

Среда, окружавшая Горького (один Ягода чего стоит), явно была подозрительна. По-видимому, и Луппол, тихо арестованный и исключенный из академиков, связан <был> с гешефтами этой семьи?

Интересно, сколько правды в том, как объясняют <...>[114] ТАСС о Германии, бывшие на днях в связи с отъездом Криппса и публикацией об этом в связи с нашими отношениями с Германией[115].

Говорят, что Германии <нами> был предъявлен ультиматум — в 40 часов вывести ее войска из Финляндии — на севере у наших границ. Немцы согласились, но просили об отсрочке — 70 часов, что и было дано.

22 июня, утро. Воскресенье. Узкое.

По-видимому, действительно произошло улучшение — вернее, временное успокоение с Германией. Ультиматум был представлен. Немцы уступили. Финляндия должна была уничтожить укрепления вблизи наших границ (на севере), построенные немцами. По-видимому, в связи с этим — отъезд английского посла и финляндского?

Грабарь[116] рассказывал, что он видел одного из генералов, которого сейчас и в партийной, и в бюрократической среде осведомляют о политическом положении, который говорил ему, что на несколько месяцев опасность столкновения с Германией отпала.

И. К. Луппол пострадал в связи с Горьким. Говорят, он расстрелян. Он был мужем вдовы сына Горького, которая служила в Институте Горького. Арестованы были и Луппол, и вдова сына Горького в связи с тем, что в Дерпте при обыске у какой-то баронессы, старой знакомой Горького, нашли дневники Горького, содержащие критику деятельности Советского правительства из тех лет, когда Горький <был на границе разрыва> с Советской

властью. Горький взял обещание от вдовы сына, что она эти дневники перешлет от баронессы <ему>. Ее выпустили, а Луппола арестовали и, говорят, расстреляли. Луппол был образованным человеком, не симпатичным — но одним из немногих культурных правительственных деятелей. Из румын.

...1872 год. Помню <себя> в большой комнате (спальня) моей матери в Харькове, разделенной на две части большой перегородкой из материи. Большая покрытая низкая тахта стояла в ней, и я любил на ней лежать и читать. Отец с Каченовским[117] ходили по большой комнате и говорили о гарибальдийцах и франко-немецкой войне[118], которой я интересовался. Вдруг отец меня позвал и сказал Каченовскому: «Мой отец[119] думал, что я доживу до конституции, но я этого не думаю, но уверен, что Володя будет жить в свободной стране».

22 июня, вечер. Воскресенье. Узкое.

В 4 часа утра — без предупреждения и объявления войны — в воскресенье 22 июня германские войска двинулись на нашу страну, застав ее врасплох.

Мы узнали об этом в Узком в санатории через радио из речи В. М. Молотова.

Он сообщил, что в этот час немецкие аэропланы бомбардировали Киев, Житомир, Каунас и <нас атаковали> с румынской границы. Больше 200 убитых и раненых. Одновременно произошло нападение на наши пограничные войска на западной границе — и в Финляндии.

Из речи как будто выходит, что хотя немцы и были отбиты, не застали <нас> врасплох — но находятся на нашей территории. Граф Шуленбург в 5 1/2 утра сообщил, что это вызвано сосредоточением наших войск на немецкой границе.

Речь Молотова была не очень удачной. Он объявил, что это вторая отечественная война и Гитлера постигнет судьба Наполеона. Призывал сплотиться вокруг большевистской партии.

Ясно, что <нас> застали врасплох. Скрыли все, что многие, по-видимому, знали из немецкого и английского радио.

Они говорят, что Германия предложила Англии заключить мир (Гесс? — я не верил). Говорили, Рузвельт это предложение отверг. Мне кажется маловероятным, чтобы Англия могла пойти на заключение мира с Германией в этой обстановке — за счет нас.

23 июня. Понедельник.

Только в понедельник выяснилось несколько положение. Ясно, что опять, как <в войне> с Финляндией, власть прозевала. Очень многие думали, что Англия за наш счет сговорится с Германией (и Наташа <так думала>). Я считал это невозможным. Речь Черчилля стала известна.

Бездарный ТАСС со своей информацией сообщает чепуху и совершенно не удовлетворяет. Еще никогда это не было так ярко, как теперь.

Читал — но настоящим образом не работал.

Интересный разговор с П. П. Масловым[120] об Институте Экономики. Работа Института «коммунистическая» — дорого стоит и плохого качества. Много сотрудников, которые ничего не делают. Но сейчас и невозможно научно работать в этой области, так как нет свободы искания.

3 июля. Узкое.

Только утром 23.VI — была передана по радио речь Черчилля, и получилось более правильное представление.

29.VI.1941 появилось в газетах воззвание Академии Наук «К ученым всех стран», которое и я подписал. Это — первое воззвание, которое не содержит раболепных официальных восхвалений: «Вокруг своего правительства, вокруг И. В. Сталина»; говорится о фашизме: «Фашистский солдатский сапог угрожает задавить (?)[121] во всем мире яркий свет человечества — свободу человеческой мысли, право народов самостоятельно развивать свою культуру». Выдержано <так> до конца. Я думаю, что такое воззвание может сейчас иметь значение. Подчеркнуто то, что отличает нашу диктатуру идеологически от немецкой и итальянской.

4 июля. Узкое.

1 июля 1941 года образован Государственный Комитет Обороны из Сталина, Молотова, Ворошилова, Маленкова, Берия. В общем, ясно, что это идейная диктатура Сталина.

3 июля 1941 года — выступление по радио Сталина. Речь очень хорошая и умная. Дня за два или за день перед этим были

всюду <сняты> радио, и поэтому прошло ознакомление с большой заминкой. Это снятие радио — одно из очень немногих признаков путаницы. В общем, мобилизация и т. п. идет хорошо. Говорят, <радио> будет восстановлено в другом виде.

12 июля, утро. Суббота. Москва.

Произошли события — может быть, исторический перелом в истории человечества, пока я не заносил свои записи в эту тетрадку.

9 июля мы приехали из Узкого, а накануне нам дали знать, что Академия переезжает в Томск, и мы должны были решить — едем ли мы.

Сомнений для меня не было, если только условия поездки были <бы> благоприятны и приемлемы. Мы узнали об этом решении 8 июля — и 9-го утром выехали; так как у меня не было моей машины, то была прислана машина <...> [122]. Мы подвезли проф. Андреева, который был в Узком — больной.

Здесь выяснилось, что — в связи с ходом событий — правительство решило перевести подальше от театра военных действий Академию Наук в Томск со всеми академиками и учреждениями. Несколько дней перед 8 июля состоялось заседание — по поручению «правительства» (то есть Комитета по обороне?), под председательством Шверника. Он заявил, что правительство озабочено сохранением основного и главного умственного коллектива ученых и непрерывностью его научной работы, а потому решило перевести Академию и ее научные учреждения в Томск. Кроме Шмидта, Борисяка, Капицы и других было несколько академиков.

13 июля. Воскресенье. Москва.

Становится все яснее и яснее, что переезд Академии в Томск может кончиться развалом большой научной работы и патологическим проявлением реального состава ее — и правительственного — аппарата.

Люди начинают отходить <от первых волнений>.

Переезд откладывается, и сейчас и у меня, и у других является сомнение, все растущее, <в> правильности решения.

Мне кажется, что при теперешнем состоянии Академии и

реального правительства это может кончиться ее разгромом, что отразится на всей научной работе.

Основное — слабость Президиума. Головные больны — Комаров, Шмидт, Чудаков.

Надо вновь обсуждать <этот> вопрос.

Вчера у меня был Якушкин. Он рассказывал, что в Академии Сельского Хозяйства[123] произошел такой комически-трагический казус. Академики вдруг узнали, что вся канцелярия президента <Академии> (Лысенко) переехала в Омск и что президент Лысенко собирается туда же. Он <этого> не отрицал — говорил, что вообще до сих пор не может понять, что такое «академия». Обратились к наркому. <Решение> изменили.

Хаос государственной структуры — в области, которая является второстепенной в понимании людей, стоящих у кормила власти. Может быть, это и правильно в настоящий момент, но неправильно то, что они распоряжаются, не имея времени обдумать.

Что происходит на фронте? — Начало развала гитлеровской силы? Или остановка перед применением последнего отчаянного средства — газов или урановой энергии?

Три дня на фронте относительно спокойно. Подходят с нашей стороны все новые войска. Это кажется верно, и верно то, что здесь нет ни паники, ни растерянности.

Моя мысль все время пытается охватить происходящее. По-видимому, неожиданно для всех проявилось огромного значения мировое явление: победа красного интернационала — нашей коммунистической партии — как исторического проявления евразийского государства.

Сейчас возможно остановить фашистское движение в его нападении на нашу страну. Создана впервые «Красная» армия (любопытно, отброшено название «крестьянски-рабочая»). Гитлер фактически уничтожил все европейские правительства (кроме Швейцарии, Испании, Португалии, Швеции, Турции). В Европе Англия — остров. На континенте — мы и Гитлер. Мы в союзе с США и Английской империей.

Кто будет решать? Очевидно, и для Германии, Бельгии, Голландии, Франции, Польши, Чехословакии, Румынии, Греции, Болгарии, Югославии, Италии явится вопрос — с кем сговариваться? Плебисцитные правительства — под контролем нашим, США и Англии? Все граждане — женщины и мужчины?

Это та революция, которой, может быть, Гитлер думал убедить английских государственных деятелей соединиться с ним против нас?

Я думаю, что тот новый <мирный> конгресс, который

соберется где-нибудь в Лондоне или Женеве (может быть — Москва?), будет резко иной, чем Версальский.

Новая — Красная Армия — военная сила, остановившая германскую армию, если это действительно произошло.

Вот тут нужно то спокойствие и государственный ум, который проявили Сталин — Молотов — Берия. Два грузина, один русский — но <грузины> русские по исторической культуре.

Реакция против отъезда в Томск все увеличивается среди академиков и академического персонала. Но, в сущности, мы мало знаем о положении на фронтах. Мы исходили из сознания огромных потерь немецких <войск>, остановки их.

Сегодня день начинается со все большего укрепления <веры в возможность> нашего оставления в Москве.

В этот исторический момент резко проявилась вероятная разная сущность «тоталитарных организаций»: нашей — коммунистической и германской национал-социалистической. В обоих случаях — диктатура, и в обоих случаях жестокий полицейский режим. В обоих случаях мильоны людей неравноправных, но в случае национал-социалистической <организации> это истекает из принципа неравенства людей, и без этого национал-социалистическая <организация> (Германия, Италия) <...> [124].

14 июля. Понедельник. Москва.

Вчера резко изменилось настроение.

Физико-математическое Отделение и его учреждения не уезжают — в том числе и Метеоритный Комитет.

Целый день с часу дня у нас пробыли Ферсман и Виноградовы — обсуждали положение наше личное и Академии — до 6-7 вечера.

Сильная безоблачная жара уже более недели — пожалуй, две недели. Сейчас 8 утра и <температура> 18° С, быстро подымающаяся.

Резко меняются планы. Я приехал из Узкого, думал через день-два выехать в Томск. Решил взять много книг и работать над «Проблемами биогеохимии» и хронологией моей жизни — матерьялами для автобиографии. Поэтому забрал часть архива — неразобранного, но, как я вижу теперь, драгоценного.

Теперь все это придется вновь вынимать из ящиков — <а их> 22! Их поставили было на лестницу, но вчера надо было спешно перенести в кабинет, так как в связи с правилами защиты

от бомбардировок лестницы должны быть свободны.

Из обсуждения выяснилось, что Химическое Отделение должно выехать в Томск — но в то же время оборонная («секретная»?) работа не должна прерываться. Это все не так легко согласовать, так как вся наша работа экспериментальная тесно связана с рядом других учреждений — наши работы по спектроскопии, радио, масс-спектроскопии, электронографии, рентгенографии и т. п. переплетаются с другими лабораториями и институтами.

Пока такой временный план. Мне (и другим академикам-химикам) ехать куда-нибудь в санаторий в район Поволжья — лаборатории пока не трогать, так как оборонная работа идет и должна продолжаться.

Москва все-таки эвакуируется — особенно дети. Эвакуация идет, в общем, более чем сносно, а в значительном числе случаев хорошо.

Опасаются, что немцы остановились, подготовляя новое нападение на Москву (газы!) и бомбардировку типа лондонской. Думаю, что возможно, что произойдет что-нибудь вроде 1918 года <на Украине>, когда рухнули сопротивление и их <немцев> сила — сразу и неожиданно для людей, находившихся в нашем положении. Тогда в Киеве я лично был к этому подготовлен, так как в Германии побывал Франкфурт[125] и привез нам мрачный прогноз их силы — неожиданный для всех. Ему даже не все верили.

Сейчас положение немцев еще более безнадежное. Газы и урановая энергия — все эти возможности есть и у нас. И это очень обоюдоострое средство.

Сегодня буду стараться с А. П. <Виноградовым> свидеться с Вольфковичем[126] и Шмидтом.

Вчера еще много времени заняло — обращение от ВОКС[127] об организации выступления советских ученых для Англии. Мое личное <обращение> я переделал[128]. Обращение советских ученых к английским связано с подписанием Молотовым и Криппсом военного договора между Англией и Советским Союзом[129].

16 июля, утро. Среда.

Вчера все решительно изменилось, и мы сегодня едем в Боровое Акмолинской области в санаторий. Об этом мелькала у меня <в> эти дни мысль как о возможном.

Утром вчера в радиоцентре <состоялось> мое обращение к английским ученым в связи с заключением военного договора с Англией. Очень порядочная, культурная публика и симпатичная старая ирландка-диктор. Их сильно сократили транспортом — <осталось> две машины.

Оттуда <направился> в Академию в Химическое Отделение <на встречу с> Вольфковичем. Выяснилась полная неразбериха — такая картина, что о всяком решении, даже в пределах разрешенного, требуется одобрение Совнаркома. Шверник стоит во главе эвакуации <во время> войны. Решения основные например, переезд в Томск Химического Отделения — считаются не подлежащими изменению. Жизнь возьмет свое, так как в такой абстрактной форме оно <решение> нереально — но масса всяких затруднений. Должна быть нетронута оборонная работа и тому подобное.

Выяснилось, что 16-го идет детский поезд в Боровое — говорят, чудный санаторий, — и прикрепили <к поезду> мягкий вагон для академиков — старых и т. п. Решил ехать, так как это ближе <Томска> и, может быть, — как я думаю осенью выяснится несколько положение, <так> что вернусь в Москву, а не в Томск.

Были Т. Е. Каминская с С. Г. Цейтлин — последняя <рассказывала> о бомбардировке Минска и бегстве <населения> оттуда. Об этом ничего и нигде не говорится в печати.

Очень большое недовольство осведомлением по радио <о ходе> военных действий. По-видимому, армия на высоте: русский солдат теперь и раньше был <на высоте>, были и офицеры на высоте. Командование исчезает.

Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями.

Идут аресты — по-видимому, в связи с нападением <Германии> и фашизмом. Между прочим, <арестован> геолог Мирчинк — хороший геолог, но морально не высокий человек.

17 июля. Станция Буй.

Вчера выехали[130]. Едем в совершенно исключительных условиях — в купе мягком (Наташа и я внизу, Аня и Прасковья Кирилловна наверху). Катя в среднем отделении в другом вагоне. Поезд для детей академических служащих около 500-600 <детей>. О положении на фронте <ничего> не знаем.

18 июля. Пятница. Станция Свеча.

Всю ночь стояли на разъезде после Шарьи — пропускали ряд военных поездов с людьми и оборудованием, военным. Идут с огромной скоростью на фронт; как критерии неразберихи — отвод техники и т. п. с Урала.

Свеча <в> 817 километрах от Москвы и <в> 138 — от Вятки (Киров). Ужасно неприятное впечатление у меня от замены исторических названий городов: Горький — Нижний Новгород, Молотов — Пермь, Калинин — Тверь. Из них Пермь наиболее древняя? Связанная с нерусской старой культурой.

Едем в детском поезде. С нами на станции стоят еще два таких поезда один из Ленинграда.

В общем, организовано хорошо.

Из академиков и членов-корреспондентов едут с семьями — Зелинский, Борисяк, Мандельштам, Струмилин, Лейбензон, кажется, дочь Деборина.

Поражает полное отсутствие сведений о войне — с Москвы; даже в городах не знают. Наши последние сведения из газет <относятся к> 16.VII. Здесь меняются паровозы — простояли еще несколько часов.

18 июля. На пути от Свечи.

Наконец в Свече достали вчерашнюю «Кировскую Правду» от 17 июля первое <известие> после Москвы. Плохая — бездарная — информация; с этим приходится мириться. То же и в Наркомате иностранных дел. Серые люди. <Все одно и> то же, что видишь кругом. Партия-диктатор — вследствие внутренних раздоров — умственно ослабела: ниже среднего уровня интеллигенции страны. В ней все растет число перестраховщиков, боящихся взять на себя малейшую ответственность.

Выехавши из разъезда после Свечи, мы обогнали поезд с детьми, <вышедший> из Ленинграда 5 июля с направлением на Киров. Очень вероятно, доберутся сегодня.

Обогнали на станции Свеча поезд с детьми — беженцами из окрестностей Витебска: выехали «без всего»; собирали <деньги> на покупку еды для них; пищу — провизию — купить было возможно.

Помимо эшелонов войск везут автомобили, которые всюду берутся на войну; по-видимому, <везут> танки, аэропланы и т. д. Северная дорога состоит из одного пути; нас объезжают. Множество разъездов. Очевидно, это сделано загодя?

19 июля. Разъезд № 2 Коса.

Вчера стало известно — по радио (<слышал> Струмилин), что не действует московская станция Коминтерн. Это единственное мощное радио в Москве.

Очень интересный разговор с Ник. Фед. Гамалеем[131]. Приятно было видеть чисто украинский благородный тип. Гамалея считает вирусы живыми. Он считает испанку (инфлюэнцу) за вирус.

19 июля. Разъезд № 11 Лаваны.

Чудный солнечный день. Видны отроги Урала. Никогда не думал, что еще раз увижу Россию вне Москвы и ее окрестностей.

20 июля, утро. Станция Георгиевская и дальше.

Начался эрозионный ландшафт — холмистые увалы.

В 10 часов 10 <минут> приехали в Пермь (Молотов). Переправились через Каму. Я был здесь последний раз до революции — мне кажется, но сомневаюсь, в 1916 году; не останавливался. Когда я сделал поездку по Каме до Нижнего выехал из сольвийских заводов? Кама тогда — цвела, липовые леса; я понял впервые <тогда>, что Кама — есть Волга. Южнее Саратова я не был.

Сегодня мы на станции Чехривль (Струмилин прочел объявление) узнали сводку от 18.VII утреннюю. Поразительно бездарно это дело организовано.

И в Перми нет известий позже 18-го утра. Газет нет.

С продуктами на станции скудно. Киоски бедны. Купили «Прикамье» за 20.VII.1941. Медленно растет — но растет — разгромленное живое течение, <существовавшее> до диктатуры печальной ГПУ.

Провинция, такая далекая, как Пермь (название «Молотов» туго <прививается>, по-видимому), живет совсем в ином темпе в связи с войной, чем Москва и Ленинград. Это понятно. Но такое спокойствие для меня неожиданно.

«Кунгурская Правда», купленная в Кунгуре, дала нам сведения для вечера 18.VII. Газета довольно жалкая. Из статьи А. И. Яковлева, но все-таки два дня назад, мы знаем, что делается на фронте.

23 июля, утро. Среда. Станция Боровое-Курорт.

Ночевали в поезде. Утро. Дождь.

Вчера уже на станции узнали о бомбардировке Москвы — в ночь с 21 на 22-е, — <прошел> месяц войны. Говорят, 200 самолетов немецких прорвались, из них 20 прорвались к Москве — бомбы брошены в окрестностях Москвы, есть жертвы. Впечатление здесь среди нас, москвичей, огромное. Теперь стал вопрос: случайный <это> прорыв или начало бомбардировок сериями вроде <бомбардировок> Лондона?

24 июля. Четверг.

Боровое. Государственный санаторий.

25 июля. Пятница.

Здесь есть радио, и мы больше в курсе событий.

До сих пор (10 часов утра) мы на бивуаке. Спим втроем — Наталья Егоровна, я и Прасковья Кирилловна в одной комнате.

Вчера прилетел из Караганды начальник курортов Казахской республики (центр Алма-Ата) — Сергей Иванович Замятин. Молодой, энергичный, умный человек, русский. Очень осведомленный и, мне кажется, образованный, энергичный. Хорошее впечатление производит и директор курорта Орлова.

Мы до 27 июля останемся на бивуачном положении. Часть багажа осталась на станции Боровое-Курорт.

Зима была здесь холодная, и теперь погода плохая. Сегодня сырость, туман.

Вчера утром образовали Казахскую группу академиков, по инициативе А. А. Борисяка. По моему предложению председателем выбрали Н. Ф. Гамалею, а секретарем С. Г. Струмилина. Последний должен был послать телеграмму Шмидту об утверждении группы.

Нас хотят поместить в отдельном здании, где помещаются сейчас женщины (старухи главным образом?). Их переведут в другое помещение.

Мы, конечно, причинили большие неудобства для местных жителей. Приехало более 750 детей. Местное население голодает — пуд муки <стоит> 130 рублей. Хлеба не хватает. Курорт переполнен туберкулезными хрониками.

Я чувствую себя на границе <здоровья> и ничего еще не видел.

Но интересные разговоры имел с Л. И. Мандельштамом[132] о Гёте. Он верно указал на значение идеи Гёте в его оптических работах. Я думаю, методологически Мандельштам прав — сложный опыт может исказить явление, и далеко не всегда можно от него перейти к научной реальности. Примером являются Фрауэнгоферовы линии, конечно, в реальном процессе не существующие и к свету как таковому отношения не имеющие. Как раз Фрауэнгоферовы линии занимали и мысль Гёте. Я из его «Zur Farbenlehre» прочел только историческую часть, которая с точки зрения истории науки или истории оптики является самостоятельной исследовательской работой: много внесла нового. Но Гёте <был> близорукий и, может быть, даже близорукий ненормально — как, например, я. Его красочные и темные оттенки этим во многом объясняются. К сожалению, я не смог достать специальной литературы о близорукости Гёте.

С Мандельштамом — о Мысовском (он видел у меня его книжку об атомном ядре)[133]. Его отзыв о Мысовском, как всех физиков, явно неверный. Многое он приписывает Курчатову, что в действительности принадлежит Мысовскому, который необычно безразлично относился к защите своих достижений.

Я все-таки думаю, что нейтрон, проходящий материю насквозь, — загадка. Мандельштам считает, что атом позволяет вполне объяснить все. Но может ли двигаться атом, не несущий заряда? Мне кажется, Резерфорд ясно это сознавал.

Но, по существу, мы видим движение нейтрона в результате разрушения ядра (то есть его взрыва) или в космических лучах.

С Л. С. Лейбензоном[134] разговор о внутренности Земли. У него обычные представления, корни которых — в воззрениях XVIII века. Начало Солнечной системы кажется <ему> логически неизбежной проблемой.

Сегодня большой разговор с Гамалея и Мандельштамом о правизне и левизне, о Гаузе[135], моллюсках и тому подобном.

Мандельштам получил срочную телеграмму, что Физический Институт послезавтра едет в Казань.

29 июля. Вторник. Боровое.

Сегодня утром мы должны наконец переехать из бивуака в постоянное помещение. С. И. Замятин сдержал свое слово. Он сам, однако, не может попасть в Алма-Ату, так как железнодорожный путь очень круговой; для авиа надо проехать по железной дороге к Балхашу, и не ясно, будет ли самолет. Война остановила <ввод в действие> железной дороги, которая предполагалась на 1941 год.

Получена телеграмма о выезде сюда Комарова, Баха, Обручева, Чаплыгина.

Где их поместить — неизвестно.

Это — типическая работа академического аппарата, следствие той централизации, которая требует утверждения каждой мелочи центральной властью. Она порождает фактически власть «секретарей» и аппарата, который так ярко проявляется в Академии — в 1920-1930-х годах <проявлялся> еще больше, чем теперь.

Третьего дня начал работать с Аней над V выпуском «Проблем биогеохимии»: «О химическом составе биосферы и о ее химическом окружении».

Сегодня нас разместили в лучшем помещении, очистив отдельный хороший дом от хроников, распределив их в другие места. На наших временных местах поместили новые группы академиков из Ленинграда и Москвы. Кто приехал — не знаю.

30 июля. Среда. Боровое.

Вчера жена Рихтера[136] красочно передала впечатление <от> первого налета на Москву 21/22 VII. Основное впечатление — по существу неверное изложение <этого> Информационным бюро. Надо в эту почти единственную реальную информацию вносить коренные поправки.

Молчание Информбюро не означает, что налетов <на Москву> не было. Во главе <информационной службы> стоят

бездарные, ограниченные люди — каковы и Ярославский, и Лозовский[137]; это сказывается и в их статьях, и в их выступлениях.

Мы знаем об окружающем только по таким фальсифицированным данным. Надо вносить поправку — из гущи жизни и <своего> жизненного опыта: охвата происходящего, сознательно и глубоко переживаемого с 1873 года (если не раньше) по 1941 год — больше 60-ти лет.

Ноосфера, в которой мы живем, — является основным регулятором моего понимания окружающего.

Если правительство не сделает грубой ошибки — гибель гитлеризма в ближайшее время неизбежна и быстра — <займет> немногие месяцы.

Основная линия верна: создание сознательное мощной военной силы, независимой от извне в своем вооружении, — примат в данном моменте этого создания в государственной жизни — правильная линия, взятая Сталиным. Настроение кругом это создает здоровое. Принципы большевизма — здоровые; трутни и полиция — язвы, которые вызывают гниение, — но здоровые основы, мне кажется, несомненно преобладают. Страна при мильонах рабов (лагеря и высылки НКВД) выдержит эту язву, так как моральное окружение противника — еще хуже.

17 августа. Воскресенье.

Приехали еще Масловы, Штерн, Ященко... Вижу мало кого, за исключением живущих в нашем доме, откуда выселились из-за скарлатины Зелинские и перешли в более удобное помещение Борисяки.

Привезенные из Москвы впечатления: непрерывное, хотя и медленное движение немцев, особенно оставление Смоленска — и, надо сказать, бездарно составленная информация <по> радио, письма — явно увеличили тревогу за ближайшее будущее.

А между тем я по-прежнему считаю гибель гитлеровской Германии неизбежной — и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом — благодаря созданию ноосферы.

Эти дни ясно стала для меня геологическая роль проникающих космических лучей и рассеянных элементов — и как источников тепла, так и химической основы планеты.

Сегодня прочел в «Акмолинской Правде» № 190 от 14 августа о всеславянском митинге в Москве 11 августа — перепечатаны

официозная статья из московской «Правды» от 12 августа и речи А. Н. Толстого и других.

18 августа. Понедельник.

Идея славянского единства явилась в моей жизни одной из ведущих идей. Можно сказать, она отразилась в моей жизни от детства до старости. Корни ее лежат глубоко в жизненной идейной — сознательно волевой <установке>.

26 августа, утро. Вторник.

Сегодня я ярко чувствую «мировой» стихийный процесс — зарождение в буре и грозе ноосферы.

Сегодня послал А. П. Виноградову <письмо> о решении нашем в конце сентября, в октябре переехать в Казань. О том же <написал> Шмидту. Александру Павловичу <написал> о моей концепции элементов рассеянных и геологическом (и геохимическом) значении проникающих космических излучений.

Чем больше вдумываюсь, тем яснее для меня становится впечатление, что немцы рухнут — и великие демократические идеи избавятся от временных нарастаний, как ГПУ, фактически разлагающее партию большевиков.

Демократия — свобода мысли и свобода веры (которой лично я придаю не меньшее значение, но которая как будто сейчас — может быть, временно исторически? — теряет свою силу в духовной жизни человечества).

28 августа, днем. Четверг.

Сегодня работал хорошо с Аней. Чувствовал себя ниже среднего — сердце, а пульс хороший. Не гулял, больше лежал и диктовал.

Разговор с А. Е. Фаворским[138]. Он <рассказывал> о Горбунове. В 1935 году, когда я переехал в Москву, у меня было столкновение с Горбуновым: он назначил академикам <приемный> один день в неделю. Так как это приводило к большим неудобствам (я тогда больше входил в мелочи

Лаборатории), я откровенно указал ему на возможность иной постановки <дела>. Он вскоре уступил и стал принимать академиков всегда вне очереди, как было при Сергее Федоровиче[139], о чем я говорил ему. Я думал, что моя беседа этому помогла.

31 августа. Вторник.

Со вчерашнего дня ухудшение. Лежу. Принял строфант, горчичники, адонис. Я и сам чувствую ухудшение. Один раз заходила Мар. Ник. <Столярова>. А сюда <приехала> среди других врачей с отцом (из Минска) — устроилась врачом «при академиках». Привезла сюда сестру.

Читал Дарвина «Бигль» — много лет тому назад <прочитал> в первый раз. Здесь в библиотеке <есть> все новое издание Дарвина. Нахожу много интересного.

1 сентября. Понедельник.

Вчера приехали несколько человек из Ленинграда. Ехали по Савеловской дороге. Николаевская почти отрезана.

Резкое противоречие между действительностью и официальными сводками. Луга занята. Были листовки: немцы не хотят уничтожать Петербург, но Москву сожгут.

Радио и официальная информация все больше не удовлетворяют: поразительна бездарность советского аппарата. Население совершенно не понимает, что происходит.

Для меня ясно, что теоретически — раз не было измены и нет внутри страны движения против правительства — можно понять происходящее только лучшим <вооружением противника> (например, сверхтанки у Гитлера) и слабостью <нашего> Генерального штаба сравнительно с немецким. Мне кажется, патриотизм, мужество, авиация — на нашей стороне. Теоретически гитлеровская авантюра должна кончиться для него катастрофой.

Отчего оставлены Екатеринославль, Одесса и т. п.? Отчего инициатива все время в руках немцев? Что будет через месяц?

Я думал, что война кончится к зиме. Теперь появляются опасения. Кончится к зиме в том смысле, что движение немцев будет остановлено.

5 сентября. Пятница.

Вчера утром разговор с Гамалеей — опасение мое, что разрушается организация здешнего курорта для помещения академиков и главным образом детей? Гамалея не чувствует своей ответственности. Фактически я выдвинул его <председателем академической Группы Борового>, совсем не зная его деловитости и основываясь на его научных заслугах. Он честолюбив, но старается исполнять добросовестно свои обязанности. Нет инициативы и очень заботится о себе и своих. Но, думаю, человек порядочный.

Был у Баха и Зелинского. Бах сильно поддался. Оба с Зелинским хотят ехать в Казань. Надо, чтобы был обеспечен вагон — до зимы. Бах обещал написать кому нужно.

13 сентября. Суббота. Боровое.

Оставление Чернигова. Сводки все больше возбуждают недоумений. Никаких сведений о боях («Бои на всем фронте») — и в то же время постоянные «отступления». Сводки наполнены партизанами, где, возможно, много выдуманного. В то же время ополченцы уже в бою. Где войска? Опять растут зловещие слухи — сдача двух генералов на юге, украинское националистическое движение. В газетах было об Одессе — население и моряки. Говорят, масса раненых в Сибири — Томске и т. д.

После 1-го сентября 1939 года прошло больше 22-х месяцев, и эта война длится, и многие не видят ей конца, — захватила и нашу страну. Благодаря ей я пишу эти строки в курорте Боровом в Казахстане, где никогда не думал быть, не думал, что в мои годы окажусь в тысячах километров от Москвы со своей семьей.

20 сентября. Суббота.

Сегодня по радио появилось известие о прорыве в Киев немцев. Настроение кругом тяжелое. Вновь возобновились известия о поражении — прорыве <немцев> на юге при начале

войны, сдаче двух генералов с войсками. Говорят, что в Киеве нет войск, так как армия отрезана в Бессарабии, <говорят> о бездарности Буденного и К°. Гитлер свой план захвата Украины исполнил. Но население сознает <создавшееся положение> — и это скажется.

Я не сомневаюсь (как многие другие) в окончательном <исходе> войны — но дело идет хуже, чем я думал. Все же думаю, что раньше зимы положение выяснится.

25 сентября. Четверг.

Чувство спокойное у меня неизбежности смерти как естественной правды. К старости примиряешься со смертью, сопровождаемой страданием. Чувствую вечность...

30 сентября.

27.IX мы переехали в зимнее помещение. Переезд этот сопровождался совершенно диким поведением некоторых академиков. Самое печальное поведение Гамалеи и его семьи. Он использовал свое положение председателя Группы (хотя в это время Группа уже не существовала юридически). И некоторые другие, как Л. С. Штерн, следовали его примеру — захватила комнату Мандельштамов и уехала на время в Казань.

6 октября. Понедельник.

После оставления Киева и взятия Полтавы резко изменилось настроение. Многие не верят известиям; радио — бездарное и часто глупое — <говорит> о мелочах, когда ждут точных данных; <его> начинают менее слушать.

Резкое падение уверенности в успешный конец войны. У меня этого нет — я считаю положение Германии безнадежным. А с другой стороны, для меня ноосфера — не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение.

Говорят об измене. Думают, <виноваты> украинцы. Прасковья Кирилловна думает, что если немцы объявят о собственности земли, то на Украине они найдут поддержку.

Наташа допускает влияние украинских кругов немецкой ориентации — кругов хлеборобов, которые выдвинули Скоропадского, который как-то промелькнуло в газетах — был во Львове.

Как бы там ни было, занятие <немцами> всей Украины и исчезновение нашей Южной армии всех смущает. Получается такое впечатление, что Одессу, Киев, Ленинград, Москву защищают партизаны и население, частично (Одессу и Ленинград) — моряки. Но где армия? Какая территория занята?

Сегодня получил «Известия» от 1-го октября (очевидно, говорят, на самолете идет в Свердловск), и из нее узнаем о том, что румыны заняли Кишинев, давно...

Очевидно, первое впечатление о Германии должно было быть такое, о котором мы не имели понятия — и которое от нас было скрыто ложными, приукрашенными извещениями Информбюро.

Все-таки <положение> неясно.

Здесь из служащих и в поселке Боровом много взяли на фронт — заменяют женщинами. Население не получает хлеба — семьи взятых на войну не могут купить хлеба. Большое недовольство и тревога.

Прочел на днях юбилейное <издание> по случаю 185-летия Московского Университета, официальное — следовательно, многое освещающее под цензурой. С этой точки зрения оно очень характерно. Там я нашел и свою оценку — и тоже есть умолчания цензурные! Как <было> при царях, так и <осталось> при Советской <власти>!

В конце концов, благодаря бестактной деятельности «представителей» Академии, курорт закрыт. Как бы это не было надолго? Зависит от хода войны? 10-й флигель, куда нас хотели сперва перевести, отведен для Военно-медицинского Института им. Сеченова, который пока в Севастополе. Мы чувствуем себя не вполне прочно.

7 октября.

Читал дневники и архив Нюты[140] несколько недель тому назад. Ее яркая внутренняя жизнь видна в ее письмах и дневниках. Но для меня <чужда> эта горячая христианская вера, связанная с христианством в наши дни, когда подрываются основы той реальной канвы, вне которой христианин строит себе реальную обстановку, явно неправильную, в которую верит.

Умная, дорогая Нюточка в дневнике 1916 года — последнего

года, который она пережила целиком, — обращается к Господу как реальному лицу, который может помочь. Она пыталась найти опору в философии и изучала Даннемана: русский перевод, без переплета, сохранился — весь подчеркнутый и проникнутый ею[141].

Наташа здесь прочла недавно мне, Ане и Кате Ильинской мой разговор с Л. Толстым, о котором я абсолютно забыл, где я защищал веру в бессмертие личности. Я знал, что я одно время так думал, и знал, что в письмах не раз соболезнуя по поводу смерти — к близким <умерших> высказывал это[142].

11 октября.

8 октября утром я подписал составленный Л. С. Бергом текст обращения к директору Заповедника Боровое Д. К. Кунакову, молодому казаху. Он не окончил высшего образования, но человек очень неглупый и интересующийся наукой, представитель новой советской казахской цивилизации. В бумаге, мной поданной, мы обращались к нему с выражением желания об образовании Музея естественной истории Борового в курорте Боровое. На заседании 9 октября Кунаков сообщил, что темам, выдвинутым мной: 1) Радиоактивность в пределах Курорта и 2) Полезные ископаемые Курорта, Республиканское Управление Заповедниками утвердило на 1941 год — 1500 руб. и на 1942 год — 2000 руб.

12 октября. Воскресенье.

Как-то имел интересный разговор с П. П. Масловым. Маслов считает, что новая форма энергии — атомная — не изменит экономической структуры общества, не произведет того переворота, какой мне представлялся, когда я об этом говорил и думал.

Мне кажется, нет «законов» экономики, которые не изменились бы в корне, раз человек получит концентрированную энергию и 5 кило ее будут равны 200 000 тонн, потребных сейчас для того же эффекта?

16 октября.

Резкое изменение настроений о войне. Ясно для всех проявляется слабость вождей нашей армии и реально считаются с возможностью взятия Москвы и разгрома. Возможна гибель всего моего архива и библиотеки. Когда я уезжал <из Москвы> в июле — мысль о возможности потери и гибели мелькала, но не чувствовалась реально, как она выступает сейчас.

28 октября. Вторник.

Приехали <новые эвакуированные> из Москвы и Ленинграда, и впервые получились более точные данные.

Глубокое разочарование и тревога проявляются кругом. И ясно для всех выступает причина — бездарность центральной власти, с одной стороны, и власть партийных коммунистов-бюрократов, столь хорошо нам известная на каждом шагу, — <с другой>.

Картина, которая открылась перед нами, служит комментарием к тем огромным успехам, которые имели немцы за последнюю неделю. С одной стороны, радио — бездарное — перестают до конца слушать. На Украине, по-видимому, паника и беспорядок. Смена Тимошенко Жуковым — опоздала? Говорят, Буденный с большой армией окружен где-то на Украине. Бездарные генералы. Английская армия на Кавказе? Всюду наших войск меньше — неуменье маневрировать. Под Москвой много войск и оружия. Мариуполь взят <немецкими> парашютистами во время заседания областного комитета партии, — и секретарь партии бежал первый. Говорят, выселили немцев немецкой расы (<город> Энгельс) в Караганду — попытка или подготовка восстания. Из Киева население вышло. В Москве в очередях антисемитское настроение. В центре нет людей. Из Ревеля была организована эвакуация так, что раненые и партийные попали под обстрел и много погибло.

Теоретически я не сомневаюсь: если не будет заключен мир — положение Гитлера безнадежно. Но население не верит ни командованию и ничего не может понять из глупой информации.

2 ноября. Воскресенье.

Невольно мысль направляется на ближайшее будущее. Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее

культурности: средний уровень коммунистов и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке, и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в Финляндской войне, и сейчас сказывается катастрофически.

Я не ожидал тех проявлений, которые сейчас сказались. Будущее неясно.

Цвет страны заслонен дельцами и лакеями-карьеристами.

Сейчас мы не знаем всего происходящего. Информация делается так, чтобы население не могло понять положения.

Слухи вскрывают иное, чем слова и правительственные толкования.

Все время думаю о том, что выясняется на Украине, — если верна молва, что там сейчас национальная антирусская власть. Будто бы во главе правительства Винниченко[143] — фигура не крупная. Но вся Украина в руках немцев, и, может быть, этот огромный успех <германской армии> резко изменит положение? Страх Японии. Видна растерянность, так как информация официальная скрывала <перед населением происходящее>.

3 ноября. Боровое.

М. Ф. Андреева[144] говорила недавно здесь Ане Шаховской, что Горький очень хорошо ко мне относился.

Мое последнее с ним сношение было мое письмо к нему при аресте М. М. Тихвинского[145]. В нем я говорил о крупном открытии Тихвинского техническом (в области красок). Я просил Горького показать это письмо Ленину. Горький просил передать мне, что это письмо было отобрано у него во время обыска, произведенного у него в заседании Общественного Комитета о голоде, в котором он председательствовал. М. М. Тихвинский был убит. Это — одно из бессмысленных убийств, которое и сейчас имеет следствия. Это было в 1921 году. С этих пор я лично Горького не видел.

4 ноября. Вторник.

Появились было газеты — вчера два №№ «Правды» (еще в Москве от 24-25.X). «Известий» нет. Радио очень скудно, большей частью «анекдоты». Все, что можно достать для непартийных (бумагу, лекарство, хлеб, сахар, мануфактуру) — только по той или иной протекции. Как <обстоит дело> для партийных?

Все время мысль об Украине — я этого не ожидал. Откуда известие? — Мне кажется, оно могло здесь идти только от партийных. Даже среди академиков такие имена, как Винниченко (совершенно забытый в русском обществе, а украинцев здесь нет никого), — пустой звук. Партийные здесь — как и везде очевидно, имеют другую информацию. В такой стране, как Казахстан, — их информация лучше и состав выше, чем в центрах. Русские партийцы, которых я встретил здесь, — Орлова, Замятин, Винокуров (парторг).

Если не сделают дальнейших ошибок, то «правительство» Украины эфемерно. Но пока все еще инициатива у немцев и улучшения центрального командования <Красной Армией> не видно.

Закончил вчера и сегодня читаю Дарвина «Происхождение видов» (академическое издание) — <книга> много мне дала для выяснения моего подхода к биогеохимической энергии и выяснения для себя самого моей математической концепции. Я как-то глубже и более «научно» понял то, что в 1925 году у меня выявилось как интуиция. Все время мысль в этом направлении работает.

5 ноября, утро. Среда.

Был Зелинский — рассказывал известия, привезенные сыном Деборина, приехавшего из Москвы. 16-го <октября> был прорыв в Можайском направлении. Немцы прорвались до Подольска. В Москве была паника. Академия предложила всем академикам и членам-корреспондентам выехать. Пущены были все вагоны (и метро) — увозили. В магазинах раздавали все даром. Шли пешком. Климцы отбиты, и жизнь восстановилась. Вероятно, это <...>[146] назначения Жукова и Артемьева. Газеты вчера не пришли.

7 ноября, пятница. Боровое.

Солнечный зимний день. Не скользко. Утром прошелся.

Сегодня «праздничный» день. Официальный праздник — 24-я (!) годовщина большевистской революции. Целое поколение прошло.

Вчера — и сегодня — <передавали> речь Сталина. Плохой аппарат. Но все же ясно, что война в конце концов кончится крушением немцев. Сколько могу судить по передаче других, тоже плохо слышавших, речь будет иметь значение.

Все эти дни приводил в порядок дневники Нюты с 1911 и до 1916 года включительно. Многое вспоминается. Ее дорогой образ восстанавливается и переживаем эти годы. Мне кажется, ни в философии, ни в религии сейчас нельзя найти опору — роль науки и социального творчества выступает на первое место.

Начал читать Евангелие (у Ани славянское). Сплошь никогда не читал. Библию я прочел всю — с резкой критикой — в старших классах гимназии. Читал все время по истории религии. Но мое отрицательное отношение — для настоящего момента — к значению философии распространяется и на все формы живых религий. Гилозоизм и пантеизм, а не личный — человекоподобный — Бог?

8 ноября. Суббота. Боровое.

Вчера праздник — Аня была свободна. Я читал и не работал над книгой.

Кончил «Тихий Дон» Шолохова. Большая вещь — останется и как исторический памятник. Вся жестокость и ярость всех течений социальной и политической борьбы и глубин жизни им выявлена ярко.

Для меня здесь любопытно отражение «кадет» как течения демократии, культуры и свободы, ясно <в романе> выраженные, — что отвечает реальности. Отражение на фоне старого «казачества», удивительным образом все-таки сейчас сохранившегося.

За границей я увидел и казачью (и калмыцкую) эмиграцию — не в личных встречах, очень случайных и неглубоких, — а в жизни — вне этой эмиграции и литературы. Несомненно, влияние ее было, и события, которые произошли на Дону и Кубани, — может быть, <находились> за пределами событий, описанных Шолоховым. Я не был в это время на Дону — но <на Кубани> был.

Сегодня — и третьего дня утром — опять галлюцинации.

Раньше я боялся этих проявлений. Теперь — на старости лет и более глубоком проникновении в окружающее — я думаю, что это — форма <моей> нервной организации и несовершенство моего зрительного аппарата.

В связи с речью Сталина — значительное успокоение. Удивительная вещь: принцип свободной веры — обязывает. Любопытна речь Рузвельта в связи с идеей Гитлера о захвате силой всех богатств церквей религий всего мира. Большие изменения внесет послегерманское время — после неизбежного, мне кажется, зимой падения нацизма — в нашу жизнь.

Память о Гитлере останется навсегда как <о> человеке, сумевшем поставить задачи мирового господства одной расы и одного человека раньше <создания> ноосферы — единого царства homo sapiens, создающегося в результате геологического процесса.

14 ноября. Пятница.

Только вчера днем дошел до нас текст речи Сталина, произведшей огромное впечатление. Раньше слушали по радио из пятое в десятое. Речь, несомненно, очень умного человека. И все же многое неясно.

В газетах появилось было известие об ультиматуме США Финляндии — и затем ни слова об этом. Никто здесь не имеет понятия о положении дел на фронте.

Говорят, в поселке все более чувствуется война. У многих есть убитые и раненые.

Вчера был митинг у нас, о котором я узнал post factum. Речь Сталина читала — говорят, очень хорошо — М. Ф. Андреева, и говорил Зернов[147]. Оба — партийные. Говорят, составлено и кем-то постановление <митинга>, где и меня отметили.

Эти дни морозы до 20°. Готовимся к зиме.

15 ноября. Суббота.

Стоят настоящие морозы. Масса неполадок в помещениях — холодно, перебои со светом, с водой. И еще находимся в привилегированном состоянии. Правда, наше личное устройство стояло на втором месте по сравнению с «генералами» Бах, Гамалея, которые заботились главным образом о себе и близких.

Их называли «аристократами». Мне, Зелинскому пришлось добиваться <улучшения условий быта>.

В конце концов, мы все же в привилегированном положении по сравнению с «поселком» Боровое, где положение даже семей взятых на войну — и в смысле даже питания — неудовлетворительно. В этом последнем мы совсем привилегированны. Приходится уборщиц и т. д. подкармливать.

Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже <так> кажется — огромного значения. 1) Союз с англосаксонскими государствами — демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы. 2) В мировом столкновении мы тоталитарное государство — вопреки тем принципам, которые вели нашу революцию и <которые> явились причиной нападения <на нас фашистской Германии>.

15 ноября, вечер.

Заболел — по-видимому, безнадежно — Михаил Александрович Ильинский[148]; высокая t°, — говорят, что-то вроде удара. Это — первая жертва на чужбине в нашей среде. Еще на днях он вечером долго сидел у нас, много и интересно рассказывал о своем бегстве из Германии во время прошлой войны. Он всем интересовался, и его большой возраст — 84 года — мало чувствовался. Еще недавно он играл на скрипке...

Холод, и я в первый раз почувствовал ноющие сердечные боли, когда пытаюсь гулять в «большие» морозы — больше 20° С.

Сегодня работал с Аней. Читал Герцена «Былое и думы», научные журналы, Шолохова — «Поднятая целина». Не пошел на лекции Сеченовского института. Старость. Недалеко, но не по силам.

16 ноября, утро. Воскресенье. Боровое.

Три<-четыре> факта бросаются в глаза, резко противоречащие словам и идеям коммунизма:

1. Двойное на словах правительство — Центральный Комитет Партии и Совнарком. Настоящая власть — Центрального Комитета Партии, и даже диктатура Сталина. Это — то, что

связывало нашу организацию с Гитлером и Муссолини.

2. Государство в государстве: власть — реальная — ГПУ и его долголетних превращений. Это — нарост, гангрена, разъедающая партию, — но без нее не может она в реальной жизни обойтись. В результате — мильоны заключенных рабов, в том числе, наряду с преступным элементом, — и цвет нации, и цвет партии, которые создали ее победу в междоусобной войне. Два крупных явления: 1) убийство Кирова, резко выделявшегося среди бездарных и бюрократических властителей; 2) случайная неудача овладения властью людьми ГПУ — Ягоды.

3. Деятельность Ежова — вероятно, давно сумасшедшего или предателя, истребившего цвет партии и остановленного в своей разъедающей работе, когда уже много разрушительной «работы» им было сделано.

4. Истребление ГПУ и партией своей интеллигенции — людей, которые делали революцию, превратив ее в своеобразное восстановление государственной мощи русского народа, — с огромным положительным результатом.

Партия «обезлюделась», и многое в ее составе — загадка для будущего. Сталин, Молотов — и только. Остальное для наблюдателя — серое.

Одновременно с этим создается: 1) традиция такой политики; 2) понижение морального и умственного уровня партии по сравнению со средним уровнем моральным и умственным — страны.

При этих условиях смерть Сталина может ввергнуть страну в неизвестное.

Еще ярче это проявляется в том, что в партии — несмотря на усилия, производимые через полицейскую организацию, всю проникнутую преступными и буржуазными по привычкам элементами, — очень усилился элемент воров и тому подобных элементов. Сизифова работа их очищения не может быть реально сильной.

Наряду с этим единственный выход, непосильный для власти: 1) реорганизация — коренная — ГПУ и его традиций. Возможно ли это? и 2) полная неудача снабжения населения нужными предметами потребления после 24 лет <Советской власти> — то есть неправильная организация — дорогая и приводящая к голоду и бедности — торговли.

В сущности, и в Финляндии, и в этой войне это все <сказалось и> сказывается, и впереди неизбежны коренные изменения — особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий, мне <эти изменения> представляются — несомненными.

Будущее ближайшее принесет нам много неожиданного и коренное изменение условий нашей жизни.

Найдутся ли люди для этого?

Вчера Ильинскому было лучше — появилась надежда.

Вчера занимался с Аней — углубляюсь в математическое выражение биогеохимической энергии.

Вчера был вечер Сеченовского института в память Сеченова, которого я слушал — неоднократно — как студент в Петербурге и с которым встретился, как товарищ, профессором в Москве. В Петербурге, уже хранителем Минералогического Кабинета, я нередко бывал в Сеченовском институте, был приятелем с Введенским и Хлопиным-отцом[149], тогда, кажется, студентом, научно работавшим. С Введенским особенно <подружился>. В Москве Сеченов, работавший в Институте, <расположенном> во дворе <Университета>, не раз заходил ко мне, молодому приват-доценту и впоследствии профессору, днем (иногда с огромной собакой, раз съевшей мой завтрак) поговорить и высказывал мне — очень трогательное — свое хорошее ко мне отношение. Еще студентом я прочел его «Психологические очерки» (кажется) и, кажется, другие его работы. Он подарил мне свой портрет, который остался висеть в Москве на моей квартире. Останется или остался ли он цел?

25 ноября, утро. Вторник.

Вчера работал с Аней. В связи с тем, что появилось решение среди академической группы организовать научные доклады, — об этом на днях со мной переговорил Л. С. Берг и даже предложил тему: о геологических оболочках и геосферах, и я согласился. Я давно хотел это сделать и по своей инициативе но я не решаюсь сам выступать с лекцией. Прочтет Аня, а я выступлю с разъяснениями и в беседе, лекцию сопровождающей.

Вчера в местной щучинской газетке от третьего дня одно из известий ТАСС произвело большое впечатление — из немецких источников мы узнали, что у нас появились сверхтанки. Отвратительно бездарное радио явно рисует отрыв власти от населения. Нам сообщают пустяки, анекдоты. Московские газеты мы имеем только от 3.XI. Как ни плохи они и как ни бездарны — из них все-таки обыватель, с огромным опозданием, узнает кое-что.

27 ноября, вечер. Четверг.

Сегодня чувствовал себя хуже обычного. Принимал и адонис, и валидол, и Бехтеревское питье. Утром работал с Аней над тем докладом, который согласился прочесть: «Геологические оболочки Земли как планеты». Этот экскурс из обычной работы очень помогает выяснить мысли.

Днем приходил П. П. Маслов — хотел, чтобы я был председателем организации, которая ведет это дело. Оказывается, вопрос был поднят Масловым на том митинге, который был под председательством М. Ф. Андреевой после речи Сталина. Кажется, было послано какое-то обращение к Сталину — и мое имя упоминалось. Надо справиться, что они написали.

На воскресенье Гамалея собирает собрание <Группы> для обсуждения вопроса о <моей> лекции. К нему такое нехорошее отношение, что хотят выбрать другого. Я отказался, так как: 1) я не могу брать на себя обязанности председателя, учитывая мое болезненное состояние и невозможность посещать заседания, и 2) я полуслепой, так как далеко не вижу. Это — правда. Мне нужны телеочки — их я не смог достать. Советовали обратиться к Зелинскому.

Сегодня получили из местных газет акмолинских и алма-атинских конца ноября интересные речи Гарримана и Бивербрука. В общем, поразили места, где они говорят о Сталине в официальном отчете о Московском совещании[150].

28 ноября, утро. Пятница.

И мне вспомнились высказывания И. П. Павлова — помню, несколько раз он возвращался к этой теме. Он определенно считал, что самые редкие и самые сложные структуры мозга — государственных людей Божьей милостью, если можно так выразиться — прирожденных политиков. Это выражение, вероятно, не его. И это, я думаю, верно.

Особенно ясно для меня становится это, когда в радио слышится его <Сталина> речь: зычный и неприятный кавказский акцент. И при таких предпосылках такая власть над людьми и такое впечатление на людей.

Одну основную ошибку он сделал под влиянием мести или страха: уничтожения цвета людей своей партии — невознаградимы, так как реальные условия жизни вызывают колоссальный приток всех воров, которые продолжают лезть в

партию, уровень которой в среде, в которой мне приходится вращаться, ярко ниже беспартийных. По-видимому, по рассказам, он готовил себе заместителем Кирова, убийство которого партийными кругами, может быть, смертельный удар для партии.

1 декабря. Понедельник.

Вчера была лекция Орлова[151] о «Слове о полку Игореве» и <имела> маленький успех. Мне <она> не очень понравилась.

В связи с этими лекциями внутри нашей Группы <возникли> «политические осложнения». Оказывается, идея о них была поднята П. П. Масловым во время какого-то заседания, — кажется, на митинге, на котором я не был, по случаю речи Сталина.

Маслов говорил со мной как о председателе — но я наотрез отказался и, кажется, его убедил. Я, в сущности, полуслепой (мне необходимы телеочки, которые у нас можно сделать только в Оптическом Институте в Ленинграде, и я не успел это сделать — но <по> состоянию здоровья это не так просто <было сделать>). А затем я не могу бывать на всех заседаниях. Маслов (для большевиков только терпимая, по его мнению, фигура; мне кажется, у него были идейные несогласия с Лениным)[152] имел разговор с Зерновым, который считает, что этот вопрос должен пройти раньше через партийную организацию. Мы предполагали <избрать> председателем Зелинского, заместителем Бернштейна[153], секретарем — Берга. Кандидатура Гамалеи для всех нежелательна. Партийцы выставляют кандидатом Баха. Их здесь трое: Бах, Зернов и Андреева. Но при Бахе Берг не может быть секретарем. Бах при выборах в 1939 году Берга в академики (по биологии) подписал первым донос <в «Правде»> о его антидарвиновских тенденциях. Возражать Бергу, конечно, не было возможности. Это одна из подлостей старика для своей семьи, ее будущего.

Вчера у меня были вечером Маслов, Зелинский, Щербатской[154] (потомок князя Щербацкого), говорили об этом инциденте, а затем — о литературе. Маслов очень интересно рассказывал о Гарине-Михайловском; он хотел сделать <о нем> доклад. Он терпеть не может Блока, Белого, Маяковского и tutti quanti. Я выделяю Белого — некоторые вещи.

Читал сегодня «Былое и думы» — 1, 3 и 5 тома, издания 1939 года. Давно не читал и все некогда...

2 декабря.

15 августа 1940 года был арестован по дороге в Буковину, в Черновцы, Николай Иванович Вавилов — один из крупнейших наших ученых. Известие об этом очень быстро стало известно. Разрушена огромная работа. Думают, что это связано с каким-то неосторожным выбором людей, которым он доверился. Я в первый раз познакомился с ним, когда он был студентом старшего курса Петровской Академии до революции — он нашел тогда, если не ошибаюсь, дикую рожь, чуть ли не в Персии. Проф. Самойлов Я. В. обратил тогда на него мое внимание. Он работал по генетике в Петровско-Разумовской Академии. Потом у меня были с ним самые хорошие отношения. Этот арест — одна из самых больших ошибок власти с государственной точки зрения.

4 декабря, утро. Четверг.

Неожиданно удалена со службы в буфете очень порядочная женщина Матвейчик. Ряд академиков и я подали заявление Орловой — и для той <это> было неожиданно. Она тоже было заступилась. Оказалось — <рука> НКВД: муж ее поляк. Все <ее> жалеют. На ее место <взяли> жену красноармейца.

Вечером вчера был у Ляпунова[155] — милый, глубоко порядочный человек. Брали ванну — устроено как на бивуаке. Нет четкости в работе.

Большое впечатление на меня и других произвели выдержки из статьи Дэвиса (бывшего посла американского в Москве) из «Sundy Express», опубликованные в «Правде» от 18.XI.1941 о Бухарине — из времен <процессов> 1935-1938 годов. Дэвиса спросили <о них> после нападения Германии <на СССР>[156].

5 декабря.

На меня эта заметка произвела очень большое впечатление. Шли переговоры не с Гитлером, а с германским генералитетом, который много раньше имел у нас — говорили — заводы, и в иностранной политике мы шли вместе <с Германией>. В конце 1920-х годов очень яркая картина сближения <с Германией>. Антисемитизм Гитлера внес в это согласие резкую брешь.

Убийство Кирова — за которое пострадали невинные люди, а

виноваты партийные враги Сталина, часть которых погибла в «чистке» 1935-1938 годов.

Киров был, мне кажется, единственным человеком государственного калибра, за исключением Ленина и Сталина, — сила последнего.

Я держался в стороне от всех чествований. Но убийство Кирова произвело на меня глубокое впечатление. Я знал тогда о нем из разговоров с Ферсманом в Хибинах он <Киров> играл большую роль. Я знал и обратную сторону — <его> боевой характер, по рассказам профессора в Ташкенте Уклонского.

Я пошел на чествование его памяти в академический клуб в Ленинграде. Увидел, что это произвело впечатление, и мне пришлось отбояриваться от выступления; я отказался выступать, но сказал председателю <собрания>, что <хотя> я видел его <Кирова> немного — но очень ценил его деятельность.

Я думаю, что убийство <Кирова> было сделано партийными, <которые> хотели — и успели (Ягода) — перевести внимание террористов на других лиц. Это последнее — было огромной ошибкой Сталина.

Слабость утром была опять — хотя я принимал Бехтеревское питье, <были> галлюцинации. Утром, хотя у нас в комнате <было> темно, я видел, проснувшись, наяву (и на таком расстоянии, на котором без очек так ясно видеть не могу) спину в рабочей блузе человека, <стоявшего повернувшись> спиной у двери — в нескольких шагах. <Это было> продолжение сна? <Неприятное> ощущение. Давно <такого> не было.

Работал с Аней. Отделал впервые до конца места Тихого Океана в схеме строя планеты.

7 декабря, утро. Воскресенье.

Вчера впервые на двух фронтах хорошие известия. Здесь скарлатина (в школе), сыпной тиф, дифтерит в поселке. Карточек еще не приготовили — и муку купить нельзя. Население страдает.

Работал с Аней над моей лекцией. Таблица геологических и геофизических оболочек. Мне кажется, лекция должна быть интересной. Для меня самого стало ясно, что планетарная астрономия явно указывает на жизнь на всех планетах. Астрономы не учитывают достижений радиогеологии.

Работаю над «Хронологией» родовой жизни нашей семьи. Дневники жизни Нюты — полные религиозной жизни.

Здесь и Аня, и Катя Ильинская — обе верующие. Молятся

каждый день. Аня православная — сектантка. Молитва у обоих каждый день, к удивлению Прасковьи Кирилловны. После войны религиозная жизнь — рано ли, поздно ли восстановится, думаю, очень сильно.

Но разрушительная критика наукой исторически сложившихся религий неизбежно скажется, когда религии, такие, как католичество и православие, потеряют государственную поддержку. Дикие построения нацизма — исчезнут, как больное явление.

Впервые на двух фронтах благоприятные известия — и под Ростовом-на-Дону, и под Москвой. Наконец-то поворот. Начало конца Гитлера.

9 декабря, утро. Вторник.

Вчера занимался с Аней отделкой предполагаемой лекции «О геологических оболочках Земли как планеты». При этой отделке для меня выяснилось, что планетная — микробная — жизнь широко распространена.

7.XII приехали Алексеевы, Фрейманы[157]. Ехали в холодных теплушках, а из Петербурга — на аэроплане с минимальным багажом. Условия <жизни> в Петербурге крайне тяжелые — письмо Е. Г. Ольденбург[158] рисует тяжелую картину. Битвы <идут> около Охтинского моста — в сущности, в городе. Все недостатки аппарата сказались. Некоммунисты сейчас ведущие, а патриотизм народная масса. Государственный человек — один Сталин. «Аппарат» ниже среднего — посмотрим, не явятся ли <новые> люди.

Щербатской и Ляпуновы убедили Алексеева прочесть <доклад> о Ленинграде. И я, и Зелинский были в ужасе — а Василий Михайлович не понимал <положения дел>. Я вспомнил Сергея <Ольденбурга> и вспомнил выступление Василия Михайловича, когда он переживал тяжелые «политические» преследования. В конце концов <это> кончилось скандалом. Кажется, мои и Зелинского уговоры подействовали, и он <В. М. Алексеев> согласился не делать публичного доклада и рассказать <о положении в Ленинграде> у нас в комнате. Но слух пошел, и в комнату набилось много народу, и опять перешли все в столовую. Бах прислал запрещение <доклада>, так как он <В. М. Алексеев> не получил предварительного разрешения.

7.XII.1941 Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Венгрии. Узнали через радио — очень здесь плохое.

Вчера утром по радио узнали ответ Японии на ультиматум из США. Японцы бомбардировали Гавайские острова без объявления войны.

13 декабря, вечер. Суббота.

Оба с Наташей лежим — грипп.

Поворот в военных событиях — впечатление <большое>. Сегодня утром <слушали> радио, которое указало, что немецкое наступление, начавшееся 1.XII, от Москвы отбито с огромными потерями немцев в людях и вооружении. Впечатление такое, что немцев стремятся <скорее> уничтожать, чем брать в плен.

Варварство немцев — я думаю — не может пройти без той или иной формы суда.

14 декабря, утро. Воскресенье. Боровое.

Сегодня — несколько дней нормальная t°, и я встал с постели. Насморк и недомоганье. — «Грипп». Сегодня встал, но не выхожу на воздух.

С Бергом — о моем докладе и о планетной жизни.

Он рассказывал, что как-то ему принесли сюда открытку, адресованную секретарю Академии Наук в Боровом. Там было обращение (подпись Берг не мог разобрать) к Академии в связи с судьбой члена-корреспондента Академии Наук, известного цитолога Г. А. Левитского[159], в марте 1941 года арестованного и находящегося в тюрьме в Златоусте по делу Н. И. Вавилова в очень тяжелых условиях.

Берг не принял этой открытки и направил ее к Баху.

Эти дни читал «Историю философии», изданную философским Институтом Академии Наук. Это, в конце концов, полезная книга (прочел 1/2 1-го тома) <авторов-> посредственностей.

Комическое, частью трагикомическое впечатление делают выписки из К. Маркса, Энгельса и Ленина и даже Сталина, редко Гегеля — это единственное отражение «современных» знаний — то есть середины XIX столетия в лучшем случае. Тем более что они излагают исключительно цитатами из писателей Древнего мира. Весь аппарат — критики XX века — по-видимому, не использован.

Среди коллектива авторов, по-видимому, наиболее знающий Асмус, может быть, Дынник. Трахтенберг мне неясен, хотя он член-корреспондент. Митин (академик) и Александров — очень мало одаренные.

«Диалектика природы» <Ф. Энгельса> — мистика, как они этого не видят. Мне пришлось, не помню также, в котором году, в Москве (после 1934 года) высказать это публично; а в другой раз ко мне подошел молодой студент и переспросил — <верно ли>, что я считаю «Диалектику природы» мистикой, что я подтвердил и добавил, что издание ее критически не обработано.

А между тем какое благодарное поле <для исследования истории философии, когда> не мешает религия. <Изложение> исторического <хода> философских концепций в атеистическом и материалистическом понимании любопытно — <пока> нет ни одной <такой попытки>.

Для Аристотеля <в книге> не дано основное: <это была> первая научная организация, <сказавшаяся на последующих> поколениях. Я думаю, что они <авторы> просто до этого понимания слишком <находятся> в шорах.

Мои первые впечатления <о древнегреческой философии> — разговоры с отцом. Он любил Платона. «Пир», «Федон», «Тимей» — впервые от него я это узнал, кажется, еще в Харькове (до 1876 года). В Париже в 1889 году я в лаборатории прочел значительную часть диалогов Платона. О Платоне позже с П. И. Новгородцевым[160] <было> много разговоров. При сближении с Трубецким[161] — тоже. В Париже пробовал <читать> — Плотина, Ксенофонта. Аристотеля в оригинале не читал.

Для Демокрита пропущена у них <авторов «Истории философии»> его «Логика», на которую обратил мое внимание Piers[162]. По истории философии Древней Греции я много читал всю жизнь.

17 декабря, вечер. Среда.

Третьего дня долго сидел Вас. Мих. Алексеев — очень пессимистически смотрит на послевоенное положение Академии. Думает, что не будут столько давать на нее денег. Петербург переживает и голод, и плохую организацию жизни нашей страны советской бюрократией. Но он недостаточно принимает во внимание, что Петербург — осажденный город во всей грозной силе XX века.

Я возражал его представлениям о будущем Академии. Конечно, сейчас — при больных и недужных президенте и вице-президентах в Свердловске и Казани все может быть. Я думаю, что структура нашей Академии отвечает потребностям послевоенного времени.

Работал с Аней — еще раз обрабатывал разрез планеты. Все углубляюсь и углубляюсь.

Примечания

[1] Ненадкевич Константин Автономович (1880-1963) — химик, минералог, член-корр. АН СССР, ученик Вернадского.

[2] Кашинский Павел Александрович — гидрохимик и биохимик.

[3] Бах Алексей Николаевич (1857-1946) — биохимик, академик, директор Института биохимии АН СССР (1935-1946).

[4] Наташа — Вернадская (Старицкая) Наталия Егоровна (1860-1943), жена Вернадского.

[5] Болдырев Анатолий Капитонович (1883-1946), кристаллограф и минералог, профессор. Жертва большевистского террора, погиб в ссылке в окрестности Магадана.

[6] Шаховской Дмитрий Иванович (1861-1939) — общественный и политический деятель, историк, литературовед, публицист, внук декабриста князя Ф. П. Шаховского, внучатый племянник П. Я. Чаадаева, друг Вернадского. Жертва большевистского террора. О Д. И. Шаховском и его трагической судьбе см. записи в дневниках Вернадского 1938-1939 годов. — «Дружба народов», 1991, № 3; 1992, № 11-12. См. также: Шаховской Д. И. Письма о Братстве. «Звенья». Исторический альманах. Вып. 2. М. — СПб. 1992.

[7] Аня — Шаховская Анна Дмитриевна (1889-1959), дочь Д. И. Шаховского, литератор, секретарь П. А. Кропоткина в последние годы его жизни, с 1938 по 1945 годы секретарь Вернадского, хранитель мемориального Музея В. И. Вернадского после его кончины.

[8] Шаховская (Сиротинина) Анна Николаевна (1860-1951) — жена Д. И. Шаховского.

[9] Старицкий Павел Егорович (1862-1942) — инженер, профессор, брат жены Вернадского Наталии Егоровны.

[10] Сыновья дочери Д. И. и А. Н. Шаховских Наталии Дмитриевны Шаховской-Шик (1890-1942).

[11] Лебедянцев Александр Никандрович (1878-1941) — агроном и агрохимик, в 1906-1927 годах директор Шатиловской опытной станции, профессор, ученик и сотрудник Вернадского.

[12] Савицкая Мария Александровна — гидролог, сотрудница Вернадского.

[13] Здесь и далее имеется в виду XVIII конференция ВКП(б), проходившая в Москве с 15 по 20 февраля 1941 года.

[14] Иванов Леонид Ликарионович (1877-1946) — геолог и минералог, профессор, ученик Вернадского.

[15] Штерн Лина Соломоновна (1878-1968) — физиолог,

академик АН СССР и АМН СССР.

[16] Луппол Иван Капитонович (1896-1943) — философ и литературовед, академик.

[17] Нюша — Прасковья Кирилловна Казакова, домработница, фактически член семьи Вернадского.

[18] В сентябре 1940 года Германия направила войска в Финляндию, которая рассматривалась, особенно после советско-финской войны, как ее будущий союзник в войне против СССР.

[19] Лебедев Александр Федорович (1882-1936) — почвовед, гидролог, агрофизик. О нем см. в кн.: Перченок Ф. и др. Репрессированные геологи. СПб. 1992.

[20] Лебедев Николай Александрович — геолог-нефтяник, историк науки, сын А. Ф. Лебедева.

[21] Симорин Александр Михайлович (1899-1961) — биогеохимик, врач. Кирсанов Анатолий Александрович (1910-1937) — физико-химик, геохимик. Сотрудники Биогеохимической лаборатории АН СССР, ученики Вернадского. О них см. в кн.: «Памяти первых российских биогеохимиков». М. 1994.

[22] Виноградов Александр Павлович (1895-1975) — геолог, геохимик, биогеохимик, академик, ученик Вернадского.

[23] См. в кн.: «Памяти первых российских биогеохимиков»; Перченок Ф. и др. Указ. соч.; «Репрессированная наука». Вып. 1. М. 1991; Вып. 2. М. 1994.

[24] Вернадский В. И. Об изучении космической пыли. — «Мироведение», 1932, т. 21, № 5.

[25] Вернадский В. И. О необходимости организованной научной работы по космической пыли. — «Проблемы Арктики», 1941, № 5.

[26] Сумгин Михаил Иванович (1873-1942) — геолог-мерзлотовед.

[27] См. также дневниковые записи Вернадского 19 апреля 1938 года и 8 октября 1939 года. — «Дружба народов», 1991, № 3; 1992, № 11-12.

[28] Яковлев Алексей Иванович (1878-1951) — историк, член-корр. АН СССР, друг Вернадского.

[29] Фокин Анатолий Михайлович — геолог, профессор, ученик Вернадского.

[30] Ферсман Александр Евгеньевич (1883-1945) — геолог, геохимик, минералог, историк и популяризатор науки, академик, ученик Вернадского.

[31] Кольцов Николай Константинович (1872-1940) — биолог, генетик, член-кор. АН СССР, академик ВАСХНИЛ. Многие годы Кольцов и Вернадский находились в дружеских отношениях.

См., в частности: Кольцов Н. К. Письма к В. И. Вернадскому. — «Генетика», 1968, № 4. Кольцов скончался в ленинградской гостинице от инфаркта.

[32] Виппер Роберт Юрьевич (1859-1954) — историк, академик, в 1897-1922 годах профессор Московского университета.

[33] Имеется в виду коллективный выход из Московского университета в 1911 году большой группы профессоров и преподавателей в знак протеста против политики возглавлявшегося Л. А. Кассо Министерства народного просвещения. Среди них были Кольцов и Вернадский.

[34] Вопросительный знак Вернадского. Н. К. Кольцов был арестован в 1920 году московской ЧК и проходил по делу Тактического центра антибольшевистской подпольной организации, участники которой нередко собирались на его квартире. С частью других членов организации Кольцов был приговорен Верховным трибуналом к расстрелу. Помилован решением ВЦИКа.

[35] Вопросительный знак Вернадского. М. П. Садовникова-Кольцова биолог, жена Н. К. Кольцова. Вскоре после смерти мужа она покончила жизнь самоубийством.

[36] Два предложения в квадратных скобках автором зачеркнуты.

[37] Биолог, сотрудник и друг Н. К. Кольцова.

[38] КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России (СССР), организатором и председателем которой с 1915 по 1930 год был Вернадский.

[39] См. запись 12 января 1939 года. — «Дружба народов», 1992, № 11-12.

[40] Два слова неразборчивы; по смыслу: «тогда произошло».

[41] Начальник Главлита.

[42] Тихонович (Тиханович) Николай Николаевич (1872-1952) — геолог и минералог, ученик Вернадского, профессор, с 1904 года работал в Геологическом комитете. В 1928 году во время направлявшейся И. М. Губкиным кампании травли Геолкома был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», приговорен к расстрелу, замененному 10 годами лагерей. В конце 1939 года возвратился в Москву.

[43] 13 апреля 1941 года во время пребывания японского министра иностранных дел Мацуока в Москве между СССР и Японией был подписан договор о нейтралитете.

[44] Филофей (Лещинский; 1650-1727) — русский религиозный деятель.

[45] Н. П. Горбунов был расстрелян 7 сентября 1938 года.

[46] Павлов Алексей Петрович (1854-1929) — геолог, палеонтолог, академик, друг, коллега и отчасти учитель Вернадского по Московскому университету (1890-1911). Обе статьи Вернадского, посвященные памяти А. П. Павлова, при его жизни не публиковались. Впервые увидели свет в 1988 году. См. в кн.: Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М. 1988.

[47] Мирчинк Георгий Федорович (1889-1942) — геолог, палеогеограф, академик АН БССР, ответственный секретарь журнала «Бюллетень Московского общества испытателей природы».

[48] Кафтанов Сергей Васильевич — химик-технолог, председатель Высшей аттестационной комиссии.

[49] Личков Борис Леонидович (1888-1966) — геолог и философ, ученик и друг Вернадского. Изданы два тома их интереснейшей переписки (к сожалению, с цензурными купюрами). В 30-х годах Личков был репрессирован. С 1934 года работал на строительстве канала Москва — Волга. Вернадский неоднократно хлопотал об облегчении его положения и реабилитации, чего в конечном счете удалось добиться.

[50] Одно слово неразборчиво; по смыслу: «ссылок», «указаний».

[51] В это время академики О. Ю. Шмидт и Е. А. Чудаков были вице-президентами АН СССР, а В. Л. Комаров — президентом.

[52] Щербаков Дмитрий Иванович (1893-1966) — геолог и геохимик, академик, ученик Вернадского и Ферсмана.

[53] Биогел — Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

[54] Оппоков Евгений Владимирович (1869-1937) — гидролог, гидрогеолог, академик АН УССР.

[55] Выржиковский Роман Романович (1891-1938) — геолог, гидрогеолог, работал в Украинском отделении Геологического комитета.

[56] Дерюгин Константин Михайлович (1878-1938) — зоолог и гидробиолог.

[57] Два слова неразборчивы.

[58] Кулик Леонид Алексеевич (1883-1942) — геолог и метеоритик, ученый секретарь Комитета по метеоритам, ученик Вернадского.

[59] Авербах Михаил Иосифович (1872-1944) — офтальмолог, академик, в 1895 году окончил Московский университет, где в то время на медицинском факультете вел занятия Вернадский.

[60] Бакулев Александр Николаевич (1890-1967) — известный хирург.

[61] Струмилин Станислав Густавович (1877-1974) — экономист, статистик, историк науки и техники, академик.

[62] Танечка — Толль Татьяна Николаевна (р. 1929), внучка Вернадского, живет в США.

[63] Бакинский геолог-нефтяник.

[64] Хлопин Виталий Григорьевич (1890-1950) — радиолог и радиохимик, академик, ученик Вернадского.

[65] Друг Вернадского, историк-медиевист Иван Михайлович Гревс скончался в Ленинграде 16 мая 1941 года.

[66] Лукашевич Юзеф (Иосиф Дементьевич; 1863-1928) — геолог, революционер, друг Вернадского по Петербургскому университету.

[67] Анциферов Николай Павлович (1889-1958) — культуролог, историк, литературовед, ученик И. М. Гревса.

[68] Сын Вернадского, историк Георгий Владимирович Вернадский, проживал в США. См. дневниковую запись Вернадского 7 января 1939 года. »Дружба народов», 1992, № 11-12.

[69] Жена арестованного в 1938 году историка и юриста С. А. Котляревского.

[70] Одно слово неразборчиво; по смыслу: «заронено», «посеяно».

[71] Братство — возникший в 1886 году дружеский кружок выпускников Петербургского университета, в который входили ставшие впоследствии крупными учеными и общественными деятелями В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, А. Н. Краснов, И. М. Гревс и другие.

[72] Маша — Гревс (Зарудная) Мария Сергеевна (1860-1941), выпускница Бестужевских высших женских курсов, педагог, общественный деятель, двоюродная сестра Н. Е. Вернадской (Старицкой), жена И. М. Гревса.

[73] Одно слово неразборчиво; по смыслу: «понимание», «стремление к».

[74] Одно слово неразборчиво; по смыслу: «серое», «ординарное».

[75] Узкое — академический дом отдыха (санаторий) под Москвой, в настоящее время в черте города.

[76] Ниночка — дочь Вернадского Нина Владимировна Вернадская-Толль, проживала в США. См. дневниковую запись Вернадского 7 января 1939 года. »Дружба народов», 1992, № 11-12.

[77] В письмах к отцу Н. В. Вернадская-Толль сообщала, что ее дочь Татьяна оказалась левшой от рождения, о чем первоначально родители не подозревали, воспитывая ее, как

обычного ребенка, в правостороннем «рабочем пространстве». Это отрицательно сказалось на ее психическом развитии, успеваемости в школе. Одним из толчков, побудивших родителей постепенно перевести дочь в «левостороннее пространство», стало учение Вернадского о резко дисимметрической пространственно-временной организации живых организмов, включая человека. Позитивные результаты этой переориентации оказались очень впечатляющими.

[78] Степанов Павел Иванович (1880-1947) — геолог, академик, с 1939 года руководитель угольной группы в Институте геологических наук, академик-секретарь Отделения геолого-географических наук, член президиума АН СССР.

[79] Архангельский Андрей Дмитриевич (1879-1940) — геолог, академик.

[80] С середины 1930-х годов превосходный ранее почерк Владимира Ивановича стал резко меняться в худшую сторону, что отразилось также и на дневниковых записях, в ряде случаев с трудом поддающихся расшифровке.

[81] Геолог, минералог, ученик Вернадского.

[82] Президентом Украинской академии наук В. И. Вернадский был избран в октябре 1918 года. Подробнее см. в кн.: Сытник К. М. и др. В. И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. Киев. 1988.

[83] Членом ЦК Конституционно-демократической партии В. И. Вернадский избирался неизменно с основания партии в октябре 1905 года. Подробнее см.: Волков В. П. Кадет Вернадский. — «Нева», 1992, № 11-12.

[84] Долгоруков Павел Дмитриевич (1866-1927) — политический деятель, литератор и публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии.

[85] В 1917 году во Временном правительстве Вернадский занимал посты председателя Ученого сельскохозяйственного комитета Министерства земледелия, товарища министра народного просвещения.

[86] По оценкам украинского ОГПУ, только за первые четыре с половиной месяца 1933 года на Украине было зафиксировано 2500 случаев людоедства, за это же время от голода умерло около 2,5 млн. человек. Как теперь установлено, голод помимо Украины охватил территорию Кубани и Ростовской области и был сознательно организован Сталиным и его кликой с целью окончательно сломить сопротивление крестьянства южных районов СССР насильственной коллективизацией. См.: Максудов Сергей. Потери населения СССР в годы коллективизации. «Звенья». Вып. 1. М. 1991; Капелюшный Леонид. Голодомор. —

«Известия», 3.7.93.

[87] Скрыпник Николай Алексеевич (1872-1933) — революционер-большевик, государственный и партийный деятель, член ЦК ВКП(б). С февраля 1933 года заместитель председателя СНК и председатель Госплана Украины, один из главных противников антикрестьянской и антиукраинской политики Сталина. В июле 1933 года, доведенный до отчаяния, покончил жизнь самоубийством.

[88] Яснопольский Леонид Николаевич (1873-1957) — экономист, академик АН УССР.

[89] Гамов Джордж (Георгий Антонович; 1904-1968) — русско-американский физик, космолог, генетик, член-корр. АН СССР (избранный по представлению также и Вернадского), в 1933 году эмигрировал сначала во Францию, затем в Англию. С 1934 года — в США.

[90] Сыромолотов Федор Федорович (1877-1949) — горный инженер, революционер-большевик. Когда 12 июля 1918 года на заседании Уралсовета в Екатеринбурге решался вопрос, как быть с царем, Сыромолотов был среди тех, кто требовал его немедленного расстрела.

[91] Родичев Федор Измайлович (1854-1933) — общественный деятель, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии, член Государственной думы всех созывов, после Октябрьского переворота — в эмиграции.

[92] Свою последнюю поездку по странам Европы В. И. и Н. Е. Вернадские предприняли в 1936 году. Н. В. Вернадская-Толль из Чехословакии в США выехала с семьей в 1938 году.

[93] Петрункевич Иван Ильич (1843-1928) — общественный деятель, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии, после Октябрьского переворота — в эмиграции. Петрункевич Анастасия Сергеевна жена И. И. Петрункевича. Здесь имеются в виду изданные за рубежом «Записки общественного деятеля» Петрункевича, хранящиеся в личной библиотеке Вернадского.

[94] Вопросительный знак Вернадского.

[95] Лискун Ефим Федотович (1873-1958) — животновод и зоотехник.

[96] Прянишников Дмитрий Николаевич (1865-1948) — агрохимик, биохимик, физиолог, академик АН СССР и ВАСХНИЛ, друг Вернадского, принципиальный противник Т. Д. Лысенко и его агробиологического «учения».

[97] Варга Евгений Самуилович (1879-1964) — экономист, академик.

[98] Баранов Владимир Ильич — геофизик, радиолог и радиогеолог, ученик Вернадского.

[99] Бушинский Владимир Петрович (1885-1960), почвовед, член-корр. АН СССР, академик ВАСХНИЛ, ученик В. Р. Вильямса.

[100] Вильямс Василий Робертович (1863-1939) — почвовед, академик АН СССР.

[101] Папалекси Николай Дмитриевич (1880-1947) — физик, академик.

[102] Лузин Николай Николаевич (1883-1950) — математик, академик, друг Вернадского.

[103] Метампсихоз — религиозно-мифологическое и философское учение о переселении душ.

[104] Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869-1942) — математик, физик-механик, академик, друг Вернадского.

[105] Сушкин Петр Петрович (1868-1928) — зоолог, академик.

[106] Фраза не окончена; возможный вариант: «расширяют научные представления человечества».

[107] Шевырев Петр Яковлевич (1863-1887) — товарищ Вернадского по Петербургскому университету, революционер-народник, 8(20) мая 1887 года казнен вместе с А. И. Ульяновым, В. Д. Генераловым и другими.

[108] Фраза не окончена; возможное прочтение: «Без внимания к этой стороне — ничего реального достигнуть невозможно».

[109] Малюга Дмитрий Петрович — парторг, сотрудник Биогеохимической лаборатории.

[110] Коштоянц Хачатур Седракович (1900-1961) — физиолог, историк науки, член-корр. АН СССР.

[111] Комиссия по проблеме урана была создана в системе АН СССР в 1940 году. Председателем ее стал ученик Вернадского академик В. Г. Хлопин, Вернадский — заместителем председателя.

[112] См. дневниковые записи Вернадского 13 января, 1 и 13 марта 1938 года. — «Дружба народов», 1991, № 2.

[113] Самойлов Яков Владимирович (1870-1925) — минералог, геолог, биогеохимик, ученик Вернадского.

[114] Два слова неразборчивы; по смыслу: «официальные сообщения».

[115] Имеется в виду печально знаменитое «Сообщение ТАСС» от 14 июня 1941 года в связи с отъездом в Лондон английского посла Криппса и появившимися в западной печати сообщениями о концентрации германских войск на западных границах СССР.

[116] Грабарь Владимир Эммануилович (1865-1956) — юрист, друг Вернадского.

[117] Вернадский Иван Васильевич (1821-1884), экономист и статистик, общественный деятель, публицист, профессор, отец Вернадского. Каченовский Дмитрий Иванович (1827-1872) — юрист, историк, с 1849 года профессор Харьковского университета, друг семьи Вернадских.

[118] Во время франко-прусской войны 1870-1871 годов вождь национально-освободительного движения Италии Гарибальди предложил свои услуги республиканскому правительству Франции, командовал Вогезской армией, которая нанесла ряд поражений войскам Пруссии.

[119] Вернадский Василий Иванович (1769-1838), врач, окончил медицинский факультет Московского университета, участник войн с Наполеоном, дед В. И. Вернадского.

[120] Маслов Петр Павлович (1867-1946) — экономист, академик.

[121] Вопросительный знак Вернадского, очевидно, относится к стилистически корявому словосочетанию «задавить... свет».

[122] Два слова неразборчивы; по смыслу: «распоряжением Президиума», «управделами Академии».

[123] Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ).

[124] Фраза не закончена; по смыслу: «не может существовать», «теряет свою опору».

[125] Франкфурт С. Л. — биолог, ученик К. А. Тимирязева, профессор.

[126] Вольфкович Семен Исаакович — химик и технолог, академик.

[127] ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, организация, объединявшая в своих секциях деятелей советской науки и культуры.

[128] Полный текст обращения Вернадского к английским ученым см. в кн.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863-1945). М. 1982, стр. 344.

[129] Криппс Ричард Стаффорд (1889-1952) — английский государственный деятель, в 1940-1942 годах был послом в СССР, от имени Великобритании подписал в июле 1941 года соглашение с Советским Союзом о совместных действиях в войне против фашистской Германии.

[130] В Боровое, Акмолинской обл., Казахской ССР, Вернадский выехал вместе с женой, А. Д. Шаховской, П. К. Казаковой и дальней родственницей Екатериной Владимировной

Ильинской, сестрой жены сына Вернадского Нины Владимировны Вернадской (Ильинской).

[131] Гамалея Николай Федорович (1859-1949) — микробиолог, академик.

[132] Мандельштам Леонид Исакович (1879-1944) — физик, академик.

[133] Мысовский Лев Владимирович (1888-1931) — радиофизик, ученик и сотрудник Вернадского и В. Г. Хлопина по Радиевому институту. Здесь имеется в виду вышедшая в 1940 году третьим изданием книга Л. В. Мысовского «Новые идеи в физике атомного ядра».

[134] Лейбензон Леонид Самуилович (1879-1951) — механик и нефтяник, академик.

[135] Гаузе Георгий Францевич — микробиолог, ученик Вернадского.

[136] Рихтер Андрей Александрович (1871-1947) — физиолог растений, академик.

[137] Лозовский А. (Дридзо Соломон Абрамович; 1878-1952) — историк, государственный деятель, в 1941-1948 годах возглавлял Совинформбюро.

[138] Фаворский Алексей Евграфович (1860-1945) — химик, академик.

[139] Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) — востоковед, академик. Непременный секретарь Российской Академии наук (1904-1929), друг Вернадского.

[140] Нюта — Короленко Анна Сергеевна (1884-1917), племянница Вернадского, дочь его сестры Екатерины Ивановны Короленко (Вернадской), жила в семье Вернадских с 1910 года после смерти матери.

[141] Даннеман Фридрих. Как создавалась наша картина мира. Пг. 1915.

[142] Об этой встрече с Толстым см.: Мочалов И. И. Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский. — «Русская литература», 1979, № 3.

[143] Винниченко Владимир Кириллович (1880-1951) — украинский государственный деятель, писатель.

[144] Андреева Мария Федоровна (1868-1953) — актриса и общественный деятель, директор Московского дома ученых, вторая жена М. Горького.

[145] Тихвинский Михаил Михайлович — химик, технолог, профессор, ученик Вернадского. Расстрел Тихвинского был лично санкционирован Лениным. См. подробнее об этом дневниковую запись Вернадского 14 сентября 1940 года. — «Дружба народов», 1993, № 9.

[146] Одно слово неразборчиво; по смыслу: «следствие»,

«результат».

[147] Зернов Сергей Алексеевич (1871-1945) — зоолог-гидробиолог, академик.

[148] Ильинский Михаил Александрович (1856-1941) — химик-органик и технолог, почетный член АН СССР. С 1899 года работал на химических заводах в Германии. В начале первой мировой войны отказался принять германское подданство и был выслан под надзор полиции в Мюнстер. В конце 1916 года бежал в Россию.

[149] Хлопин Григорий Витальевич (1863-1929) — гигиенист, профессор, отец В. Г. Хлопина, друг Вернадского.

[150] Имеется в виду совещание трех держав — СССР, США и Великобритании, проходившее в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 года. Делегацию США возглавлял Аверелл Гарриман, Великобритании — лорд Уильям Бивербрук.

[151] Орлов Александр Сергеевич (1871-1947) — литературовед, академик.

[152] П. П. Маслов, в прошлом социал-демократ-меньшевик, автор программы муниципализации земли, в начале 1900-х годов полемизировал с В. И. Лениным по аграрному вопросу.

[153] Бернштейн Сергей Натанович (1880-1968) — математик, академик.

[154] Щербатской Федор Ипполитович (1866-1942) — индолог, тибетолог и буддолог, академик, друг Вернадского.

[155] Ляпунов Борис Михайлович (1862-1943) — языковед, славист, академик.

[156] Дэвис оправдывал репрессии 30-х годов, утверждая, что благодаря им в СССР была ликвидирована «пятая колонна».

[157] Алексеев Василий Михайлович (1881-1951) — филолог-китаист, академик. Фрейман Александр Арнольдович (1879-1968) — филолог-иранист, член-корр. АН СССР.

[158] Ольденбург Елена Григорьевна (1878-1953) — вдова академика Сергея Федоровича Ольденбурга.

[159] Левитский Григорий Андреевич (1878-1942) — ботаник и цитолог, член-корр. АН СССР.

[160] Новгородцев Павел Иванович (1866-1924) — философ и юрист.

[161] Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905) — философ, публицист, общественный деятель, друг Вернадского.

[162] Piers — Пирс Чарлз Сендерс (1839-1914), американский философ, логик, математик, естествоиспытатель. С его сочинениями Вернадский познакомился в 30-е годы.